

КОСТЁР

6
ИЮНЬ
1987

Ежемесячный журнал
ЦК ВЛКСМ

Центрального Совета
Всесоюзной пионерской
организации им. В. И. Ленина

Союза писателей СССР

Издаётся с 1936 года

© «Костёр», 1987 г.

ЖУРНАЛ ПЕЧАТАЕТ:

Я успею, ребята!
повесть А. Ефремова	2
Тайна Ахи-Ярви
воспоминания Н. Буренина	9
Барабан	10
Требуются единомышленники	14
Девочка с фотоаппаратом
заметка В. Терешкина	16
Стихи
Н. Егоров	17
Голова профессора Шишкина
рассказ М. Москвиной	18
Колесо, труба и подземный
«самолет»	22
От времен старинных	24
Иванов чертеж
повесть К. Сергиенко	26
Зеленые страницы	36
В Лондон с Оливером Твистом
очерк Е. Перехвальской	38
Веселый звонок	40
Морская газета	42
Беседы о музыке	44
Арчебек	47

На обложке:
рисунок В. Аземши
«Друзья мои, прекрасен наш союз!»

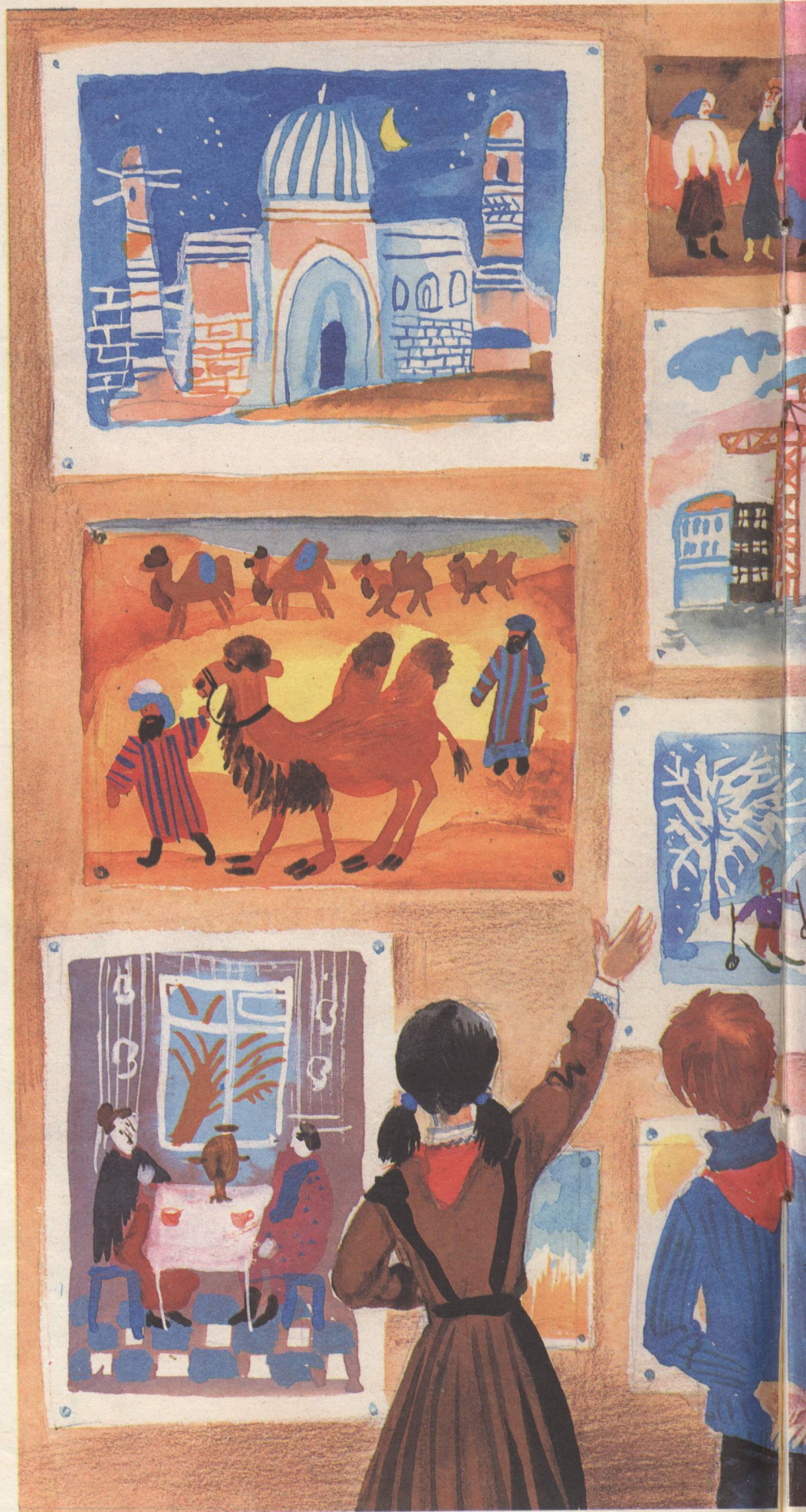

РИСУНОК С ВЫСТАВКИ

Сергей МАХОТИН

— Рисунок у нас вызывает сомнения:
Нет яркости, фона, сюжета, уменя.
Признаться приходится, как ни печально,
На выставке он появился случайно.

— Отчасти вы правы. Однако смотрите,
Как много на этом рисунке событий!
Вот скачет в буденовке всадник с пакетом,
А вот космонавты подходят к ракетам,
Одна уже мчится над лесом, над школой,
Глядит из ракеты мальчишка веселый,
А там, на Луне, не кружки, а озера —
В художнике я узнаю фантазера,
И были старанья его не напрасны...
Я вижу, ребята со мной не согласны?

— Согласны! Мы это увидели сами,
Взглянув на рисунок другими глазами!

Рисунки Т. Чурсиновой

Я УСПЕЮ, РЕБЯТА!

Андрей Ефремов

ПОВЕСТЬ

Рисунки О. Филипенко

В тот день мы с Лехой долго по домам расходились. То он меня немного проводит, то я его. Разговаривали. Я только около своей парадной про Юру вспомнил. Сразу звонить побежал, ведь два дня уже не виделись.

— Приходи, — говорит. — Сейчас прямо приходи, деньги у меня возьмешь. Лена приходила, что-то нашлось у дедушки. Он меня сегодня ждет, а я не могу. К маме надо в больницу. Нехорошо там, понимаешь?

Он меня в квартиру впустил и сразу на кухню.

— Сейчас, — говорит, — вместе выйдем. Курагу вот упакую, и пойдем. Весь город я за этой курагой обегал.

«Ольге Анатольевне Ступиной», Юра буквы красным обвел, чтоб видно было.

— День сегодня не впускной, Витек. Вдруг не прорвусь, хоть передача ей будет.

Из дома только вышли, дверь сзади как грохочет.

— Витя, Кухтин!

И Базылева несется. Ну как будто ждала, когда мы выйдем. Я уж думал, беда какая-нибудь, а она перед нами остановилась и спрашивает:

— Ты, Витя, номера по физике записал?

На Юру смотрит, а мне про номера говорит.

— Вспомни, Кухтин, что тебе стоит, а то я кроме физики уже все сделала. Вот честное слово, одна физика осталась!

Юра говорит:

— Не могу я, ребята, ждать, вы со своими номерами разбирайтесь, а я пойду.

Он уходит, а Ленка про номера свои забыла, стоит и смотрит. Он две парадных прошел, Ленка как крикнет:

— Привет Ольге Анатольевне, Юра! От меня привет!

Я говорю ей:

— Ты чего, Ленка, у нас и физики-то завтра нет, успеешь еще.

Рукой махнула.

— Конечно, успею. Знаешь, Витя, у Юры все очень плохо.

— Чего ж, — говорю, — хорошего — мать в больнице.

— Нет, нет — все плохо. И мама, и все. Не такой он раньше был. Ты ничего не знаешь?

— Нечего мне, Базылева, знать. Я вот сейчас к твоему единственному деду иду. Хочешь, пошли, а то ты со своей физикой совсем зациклилась. Только знаешь что, Ленка, ты быстрее шагай.

Я, как Юра тогда, не стал ждать, пока он открывает.

— Здравствуйте, Степан Трофимович.

— Обязательно, обязательно добрый вечер! И голос вроде знакомый. Я ведь вас знаю, да? Вы ведь руками махать не будете?

Я думал, Ленка ему ответит, а она молчит.

Он свой крючок наконец откинул.

— Витя! Лена! Вот так гости!

И на площадку посмотрел.

— А Юру вы где забыли?

Запомнил его.

Ленка говорит:

— Ты нас, единственный, что, непустишь без Юры?

Мы между стеллажей за ним идем, он к Ленке оборачивается.

— Я, знаешь, так и думал, что они еще придут. Они музыку хорошо слушали. Они ее понимают.

И опять нас в комнату тянет. В середине комнаты у стола посадил, а сам стоит и за плечи меня держит.

— И чаю как в тот раз, да, Витя?

Ленку со стула поднял.

— Марш хозяйничать.

Я в жизни столько чаю не пил. Ложкой в стакане кручу, а сам думаю, как про деньги начать-то? Ладно, если про пластинки заговорит, то ничего. Тут я ему в нужном месте напоминаю.

— Я, Витя, геодезистом еще до войны стал, — рассказывает, — тогда-то нас больше землемерами называли, здоровый был. Вот и попал в морские артиллеристы, в Кронштадте служил. А уж когда война началась, стал я артиллерист береговой. Стоит наша батарея на краю города, а рядом домишко. И такой домишко, что от каждого зала подпрыгивает, а уж когда по нам бьют, то кажется, от одного грохота вот-вот рассыпется. Мы хозяину говорим, чтоб в город переселялся.

— Я, — отвечает, — человек старый, одинокий, мне от смерти неприлично бегать.

Но шель, понимаешь, у себя во дворе он отрыл и с вещичками во время обстрела туда прятался.

В конце зимы подходит ко мне один краснофлотец и докладывает, что сосед наш, оказывается, в щели патефон спасает, и что желательнее, чтобы на батарее музыка своя была. Ну, наэкономили мы две буханки, и пошел я к нему в гости. Только объяснил я ему что к чему, вскакивает он и ну кричать:

— Очень, — кричит, — досадно, что моряк, а тем более командир, не понимает, что не все купить можно!

Я, Витя, прямо перепугался. Думал, он от своего крика свалится. Сил-то в старике никаких нет. А он отдышался и уже довольно спокойно говорит:

— Это, конечно, очень забавно, когда старый

Окончание. Начало см. в №№ 3—5.

дурень под обстрелом с патефоном бегаёт, но краснофлотец ваш просто путаник.

И открывает он передо мной патефонный чемоданчик, а там никакого патефона, одни пластинки. А он ещё и шкаф распахивает, и там тоже пластинки рядами стоят. Сел он перед дверцами на табуретку.

— Сережино,— говорит,— это. Мой Сергей, как вы — моряк, в гражданскую здесь на Балтике воевал. Я его с лета не видел. Как он коллекцию ко мне перевез, так и не виделась. Самое ценное в чемоданчик сложил. «Береги,— говорит,— отец, по возможности» — и ушел. Вот и сижу я тут с вами, потому что куда я с обозом этим?

Так я, брат ты мой, и ушел без пластинок. И забыл про этого деда с его музыкой. Только в начале апреля приходит он сам. Цинга. Валенки разрезаны — ноги распухшие не влезают, голос еле слышен, а от самого землей пахнет. Но чемодан свой, понимаешь, на саночках везет. Одной рукой за веревку тянет, в другой лыжная палка, чтобы не упасть.

Я ему: «Привет соседям!» А он на саночки сел и рукой махнул.

— Не надо,— говорит,— тут и без вас шуму хватает. Возьмите лучше пластинки, а я пойду лягу. Ежели будет время, зайдите завтра. Похороните. Копать не надо, в щели засыпьте и все. Там, кроме меня, прятаться некому. И разговоров не надо, отвык я от разговоров.

Открывает свои пластинки и показывает мне.

— Видите? Сережин знак.

А на конвертах квадратики бумажные наклеены, и буквы на них КО.

— Колобов. Сергей Колобов. Я его пластинки вам передаю.

Встал со своих санок и пошел. Я кричу:

— Палку забыли, возьмите!

И к нему. Он повернулся и уже совсем еле-еле говорит:

— Ни в коем случае. Она из бамбука. А из бамбука патефонные иголки делать. Слышите? Только из бамбука. От железных пластинки снашиваются.

Такая история.

Ленка сидит, щеки у нее красные-красные и даже не моргнет ни разу.

Я говорю:

— А эти... Ну те пластинки. Их посмотреть можно?

Степан Трофимович чай допил.

— Пошли,— говорит.

Я даже руки за спину убрал, а Базылева сбоку стоит, локоть мой стиснула и прямо в ухо дышит. Он перед нами конверт подержал и в отдельную коробку спрятал.

Я на пластинке прочел: «Трио сестер Босвелл» и буквы «КО» в углу на машинке отпечатаны.

А он в соседнюю комнату вышел и с пакетом возвращается.

— Вот. Я ведь с самого начала знал, где для вас интересную музыку найти. У меня такие вещи старинный друг собирает. Тоже, понимаешь, музыкой ушибленный. И коллекция у него, между прочим, с моего подарка началась. Он, правда,

для первого раза только дублеты взять разрешил, ну двойные экземпляры, они для обмена у него, а уж дальше-то видно будет.

Взял я пакет. А в нем... Я таких конвертов никогда и не видел. Там чего-чего только нет: чудовища доисторические, айсберги нарисованы.

Я из кармана деньги вынул, а он головой качает.

— Ну что вы, ребята, придумали, не надо мне от вас денег никаких. Возьмешь ты эти диски, перепишешь спокойно и вернешь. Спасибо, что зашел. А сумка-то у тебя для пластинок есть?

Мы в прихожей одеваемся, а мне из-за этих денег так неудобно — ну прямо вспотел весь. И Лена странно на меня смотрит. Не знает ничего.

Я и домой не заходил, все Юре по телефону рассказал.

— Ну,— говорит,— Витек, люкс, завтра из школы прямо ко мне. Все на кассеты перепишем и вперед. А скажи, есть все-таки люди! Ну и дед.

Мы уже переписывать кончали, когда я про Гудка вспомнил, что и он интересовался. Юра говорит:

— Его еще нам не хватало.— Потом несколько кассет отобрал все-таки.— Ладно, Витек, ты с ним поговори, попробуй.

Я три перемены за Гудком ходил, еле дождался, пока он один останется. Только ему про список напомнил, он сразу:

— Кассеты с собой, что ли? После уроков меня подожди. Я с магом подойду, а то вмажешь какую-нибудь «Во поле березу». Ага?

Мы уже в класс зашли, смотрю в окно, а по улице Гудилин несется. На все ему наплевать, уроки, не уроки. Захотел и побежал. Только странно он как-то побежал, не к дому совсем.

После уроков выхожу — никого. Во все стороны посмотрел — нету Гудка. Договорились называется. Только от школы отошел, слышу:

— Эй, Кухтин, оглох, что ли? Зовешь его, зовешь.

Гудилин из парадной высунулся, рукой машет.

— Давай сюда!

Парадная проходная оказалась. Мы во дворик зашли, там около песочницы скамейка. Я говорю:

— Слушать будешь? Чего так сидеть-то?

Он свой магнитофон из сумки вытащил. Возился с ним, возился.

— Ладно дурака-то валять, ставь, Вовик, кассету.

А я и не заметил, как еще парень к нам подошел. Гудок задергался сразу.

— Ага, Толик, вот — он.

Толик его на край скамейки сдвинул, со мной сел.

— Сколько за кассету хочешь?

Я сказал.

— Ну это можно. А еще есть?

— Есть, — говорю, — много.

— Много — это хорошо. Ладно, тебе Вовик все объяснит.

И в парадную ушел.

Только я из парадной вышел, Ваньчик подходит.

— Ну чего, не придешь сегодня? Борис Николаевич тоже спрашивает.

— Дела, — говорю.

— Твои дела вон пошли.

И на трамвайную остановку показывает, а там Гудилин стоит.

— Я за ним как дурак бегаю, а он с этим...

Я отвечать не стал, всего-то не скажешь. А он еще постоял немного и пошел. Обернулся, рукой махнул.

— Приходи, Витюха, слышишь, приходи.

Чудак, как будто мне самому не хочется.

Я Юре специально попозже позвонил.

Он меня прямо на улице встретил.

— Давай тут посидим. Отец дома, не хочу я при нем. Ну в общем слушали тут твои записи. Качество, говорят, фиговое, неси, говорят, диски. Ну чтобы прямо с них писать. Выручай, Витек, съезди с пластинками, а то мне к инвалиду завтра. Ну что ты? Ничего с ними не делается, это тебе не Ленечка.

Это каким же балбесом надо быть! Я же у Юры адрес Виталика не спросил. Стою около своего класса и соображаю, что делать. Спросить не у

кого, звонить — так некуда звонить — в техникуме Юра. Выручил называется. Вечером-то я Юре что скажу? Потом про Гудка вспомнил.

Всю школу обегал, нигде Гудка нету, уже под конец догадался на чердачную площадку забежать. Так и есть. Сидит там, курит.

— Слушай, — говорю, — мне сегодня к Виталику с пластинками ехать. Договорились, понимаешь?

— Езжай, — говорит, — что я тебе не даю, что ли?

— Ну понимаешь, я у Юрки адрес забыл. Ты ведь знаешь, а?

Он окурок затоптал.

— Нету, — говорит, — у меня адреса. Так помню, где он живет, а адреса нету. Ну ладно, провожу. Только чтоб сразу после уроков, понял?

Я на последнем уроке Юрин «дипломат» с пластинками возле парты на полу поставил. Как зазвенело, сразу вскочил и к двери.

Я думал, мы в трамвае сядем — свободных мест много было. Так ведь нет — стал Гудок на площадке и стоит, ну и я с ним тоже.

Вышли, спрашивает:

— Трамвай-то запомнил? Пошли тогда.

Там за углом дом в лесах, мы обошли его и свернули под арку. Дверь в квартиру под дворовой аркой приоткрыта, и бочка, вымазанная белым, рядом. Гудилин остановился, махнул рукой.

— Вон его дом.

И тут из квартиры они вышли. Толик и с ним еще один. Я сначала ничего такого и не подумал. Ну вышли и вышли.

Тот парень остановился рядом с Гудилиным.

— Ни фиги себе! Слышь, Толик, прямо с доставкой на дом. Ну ты, Гудок, даешь!

Они даже руки из карманов не вынули.

— Сам отдашь?

Толик вдруг рванул «дипломат» к себе. Гудилин поймал его руку, вывернул и сильно оттолкнул меня.

— Беги, беги, ну!

Второй рванулся ко мне, Гудок ударил его ногой под колено, крикнул, не оборачиваясь:

— Да беги ты, идиот!

На улице я обернулся. Гудок с незнакомым парнем барахтались на асфальте, Толик подпрыгивал рядом, старался ударить Гудка в бок ботинком. Я опустил «дипломат» на землю, шагнул к ним. Вовка вывернулся из-под чужой руки.

— Вали, вали!

Трамвай я, конечно, перепутал, а когда спохватился, уехал уже на другой конец города. Я стоял на незнакомой остановке и соображал, что случилось. Страшная была в голове путаница.

Папа был дома. Я хотел проскочить в свою комнату, он поймал меня за рукав.

— Что ты, Витька? Что с тобой?

Хорошо, что у меня в комнате дверь на крючок запирается. Никого я сейчас не мог видеть, никого.

Юра по телефону только и сказал:

— В восемь выходи. Я во дворе буду.

И трубку бросил.

Я, может, на целый час раньше вышел, а Юра ждет. Начал ему опять все рассказывать.

— погоди, Витя, тут вот какое дело.

Сидит рядом со мной на лавочке, колени обхватил.

— Ты, Витек, не думал, что как-то странно мы с тобой из ремонта аппаратуру возим? Я сначала тоже внимания не обращал, потом уже беспокоиться начал: надуют, думаю. А тут еще Хол с деньгами крутить начал: подожди да подожди. Я у Ленечки спросил последний раз. Он, понимаешь, как про ремонт услышал, ржать начал, как ненормальный. Коробку открывает, которую я ему привез, а там цветной телевизор маленький, другую из-за дивана достал — там тоже. В общем крадут они телевизоры эти, по частям где-то крадут, а у инвалида в гараже собирают.

Мы с тобой в Березовую рошу детали возим, а от туда готовое — Ленечке, а Ленечка продает. Два идиота!

Юра сидел, так же скрючившись, только раскачиваться начал.

— Я еще сначала не поверил, а он говорит: Хола дождись.

— Ну?

— Дождался. Денег дал. Не рыпайся, говорит. Представляешь, говорит, мамаша узнает, чем ты занимаешься — что будет? Я-то думал, хоть у тебя нормально получится. Так нет...

Подставили нас с тобой, Витек, как щенков подставили. Контору кто, думаешь, на диски навел? Виталик и навел. Ничего у нас не вышло. Матери помочь хотел, мать в больнице. Вернется она, что будет-то? Ну кто я теперь? Ведь Хол же, скотина, в угол меня загнал! Понимаешь ты или нет? У тебя

с Ваньчиком все поломалось.— Юра рукой махнул.— Ладно. Придумаю что-нибудь.

Только что тут придумать-то? Ведь мы же воры, воры получаемся.

В тот день физика первой была. Пока Борис Николаевич чертеж делал, Ленка мне записку подсунула: «После уроков подожди у класса, что-то скажу». Еле я урок досидел.

— Ну что там у тебя? Давай.

Ленка по сторонам посмотрела.

— Знаешь, Витька, Гудилин теперь в интернате будет.

— В каком,— говорю,— интернате? У него что, родителей нет, что ли?

— Нет, Витька, это другой интернат. Ну для шпаны всякой, что ли. Его в интернат, а с Ляшина подписку взяли, что вести себя хорошо будет. Ну честное слово, Витька, хоть у Бориса Николаевича спроси, он на педсовете был.

Просто не знаю, как я опять к Борису Николаевичу пришел. В пустой школе после уроков задержался, вдруг слышу, Ваньчик шумит, потом станок загудел. Я стоял, слушал, потом пошел все-таки.

Они меня сначала не заметили, потому что в лаборантской что-то передвигали. Борис Николаевич говорил: «раз-два», и потом что-то двигалось и дребезжало.

Ваньчик оттуда первый высунулся. Увидел меня и назад. Я думал, сейчас хоть кто-нибудь выйдет, а в лаборантской возиться перестали и молчат. Я уже уйти хотел, и тут Борис Николаевич выходит.

— Ну что, Кухтин, освободился? Заходи, место есть.

Они точно, место мне сразу дали. Прямо даже никто к моему столу не подходил. У меня отвертка лежала, я же видел, Ваньчику как раз такая нужна, крестом. Ну не хочешь просить, подойди, сам возьми. Нет, он обычной плоской ковырялся, пока руку не разодрал. Так и не отвинтил, за другое взялся.

Ушел я от них, чего набиваться-то?

До остановки доплелся и стою. Не к кому мне больше идти, не к кому.

Я там, может, час околачивался, ждал неизвестно чего. Сажу на загородке у газона и на асфальт тарашусь.

— Ты, Витька, что, заснул, что ли?

А я и не слышал, как Ленка подошла. Стоит рядом и туфлей своей мой ботинок толкает.

— Тебе, Кухтин, плохо, да?

— Нормально мне,— говорю,— просто замечательно. А ты это куда?

— Забыл ты, Витька, что ли? Я же на тренировки хожу.

И так я вдруг испугался, что вот сейчас Ленка повернется и уйдет, схватился за красный ремешок, он у нее из сумки торчал, тяну к себе и повторяю:

— Это у тебя что? Что это?

— Да жилет же, Витька. У нас все новички в спасательных жилетах занимаются.

И свою сумку на асфальт ставит.

— У тебя, Витя, случилось что-нибудь?

Ну не знаю я, что это на меня нашло — все Ленке рассказал. Она рядом со мной на загородке сидит, а я говорю и никак мне не остановиться. Только про Юриного отца не рассказал, не получилось почему-то.

Наверное, мимо нас трамваев десять уже прошло. Я говорю:

— Ты, Ленка, беги, там у тебя гребут, небось, всюю.

Она встала, одной рукой сумку на плечо забрасывает, а другой меня тянет.

— Пошли, Витя, у нас скамейки по берегу стоят, посмотришь, как тренируемся. Ну чего ты один будешь?

Скамейки были мокрые. Я переходил от одной к другой и смотрел, как там Ленка в своем жилете плавает. Тренер с мегафоном стоял на маленьком островке, а новички в байдарках с противовесами крутились около. Ленка оборачивалась, кивала мне, чтобы я не скучал, а из мегафона только и гремело:

— Базылева, не вертись, Базылева, работай!

Не хватало еще, чтобы Ленка из-за меня перенулась.

Я уже до остановки дошел. Медленно шел. Еле-еле. Слышу, зовут меня.

— Чего ты, Ленка, отпустили тебя?

Она постелила полиэтиленовую сумку на скамейку, и мы сели. Ленка меня за руку взяла.

— Ты, Витя, только не обижайся, ты пойми. Юрику сейчас знаешь как плохо. Он же один, понимаешь, один! Вот ты все знаешь, а помочь ему не можешь. Ведь не можешь, да? И я не знаю, что делать. В общем ты как знаешь, а я все деду расскажу. Мне когда плохо, я всегда деду рассказываю. Он поможет, он что делать скажет. Слышишь ты, Кухтин?

Я на перемене хотел побыстрее из класса выйти — в тот день Ваньчик дежурил. Только к двери подхожу, он меня останавливает.

— Поговорить не хочешь?

А я не знаю, как ответить, совсем я это не ожидал. Он дверь на швабру закрыл, сел на учительский стол и ждет.

— Ты мне чего, меньше, чем Ленке, доверяешь?

Я у двери стою, смотрю на Ваньчиковы кроссовки, и как будто меня толкает к нему кто-то. Сел на парту и начал.

Весь вечер у Юры никто не снимал трубку. Утром перед школой я опять звонил из автомата. Накручивал расхлябанный диск и ждал. Ваньчик один раз побежал со мной на перемене. Мы стояли в прокуренной будке и слушали длинные гудки.

— Да ну,— сказал Ваньчик на обратном пути,— да брось ты. В техникуме он.

Я и говорить ничего не стал. Ну какой сейчас техникум?

И в лаборантской после уроков все не клеилось. Ваньчик крутился рядом и смотрел за мной, как за больным.

Одни неприятности у людей от меня. Собрался потихоньку и ушел.

Наверное, я уже привык по городу ездить. Едешь куда-нибудь, едешь, и как будто легче становится. Часа два колесил. Не заметил, как и стемнело.

Дверь в квартиру открываю, слышу, в моей комнате папа с кем-то разговаривает. Вхожу — Ленка! Сидит на моем чурбаке и как будто давно уже меня ждет. Папа встал, говорит:

— Ну давай, Витя, а то у меня уже репертуар кончился.

И вышел. А я как Ленку увидел, испугался прямо — никогда же не заходила. Определенно, думаю, случилось что-нибудь. Она ко мне близко подошла и шепчет:

— Пошли, Витя, пошли.

— Куда, Базылева?

— Я деду все объяснила, все, понимаешь? Он велел, чтоб я к нему скорей с Юрой пришла. Он говорит, что поправить еще можно. Я к Юре зашла, а там, там...

Ленка уже громко говорила, и я подумал, что папа в комнате слышит все.

— Ну понимаешь, я его про Юру спросила, а он сразу кричать начал. «Доигрался, — кричит, — твой Юрочка! Допрыгался! Думает, если сын мне, так я молчать буду. Вот он у меня со своей мамочкой где сидит!» В общем у него из машины украли что-то, понимаешь? «Варан» какой-то.

— «Вагант», — говорю.

— Точно, «Вагант». А отец говорит, что это Юра. Только не сам, а что привел кого-то. Имя какое-то говорил. Нерусское.

— Хол?

— Да, Витя, да! А Юра в милиции сейчас. Отец на него заявил, отец, понимаешь? Ну что ты молчишь-то? Витя, ну Витька же?

Теперь уже все равно. Лучше бы мне с Юрой в милицию попасть. Кто ему там поверит? Ну скажет он про Хола, про Пигузова скажет. Так они же все скажут, что это он их подговорил «Ваганта» украсть, что краденое возил. И уж маме-то его все доложат. Обязательно кто-нибудь постарается, когда она из больницы выйдет. А Ленке что сказать? Ведь она же как будто знала все!

— Ну что ты расселся? — сказала Базылева. — Ведь ждет же он, ждет, что его выручать придут! Или думаешь, он правда, вор? Ну езжай тогда к нему, скажи: «Ты, Юра, не жди, мы тут ничего придумать не можем». А потом с Иваницким пойдешь свою цветомузыку делать? Или что вы там еще с Борисом придумаете?

Я говорю:

— Стой, Ленка. Ведь только Борис у нас и остался.

Борис Николаевич жил где-то рядом. Мы долго бегали по дворам, пока Ленка не узнала его дом.

Физик испугался, по-моему, когда мы с Ленкой к нему ввалились.

— Вы что, случилось что-нибудь?

Я начал рассказывать, а Борис Николаевич нас постепенно в комнату заталкивал. Мы уже на стульях сидим, а он говорит:

— Ты теперь, Кухтин, давай еще раз, только подробно.

Я, наверное, очень плохо говорил, а под конец кричать начал. Борис Николаевич говорит:

— Что же вы, мальчишки, наделали, а?

Вот тут Ленка и заревела. Он ее из комнаты успокаивать увел, потом вернулся, сел передо мной.

— Учишь вас, учишь... Теперь все, понял? Я это дело на себя беру. И никаких движений. Базылеву домой проводить и поделикатнее с ней, рыцарь.

Мы стояли с Ленкой около парадной Бориса Николаевича и ждали. Мы ничего друг другу не говорили, просто ждали и все. Ленке, наверное, было холодно, она дергала плечами и хлопала носом, как маленькая. Свет у физика все горел. Может быть, он звонил кому-нибудь, а может быть, одевался. Ленка вдруг перестала шмыгать.

— Надо такси, Витька. Надо быстро, Юра

ждет. Ты беги, Витька, я Бориса задержу, а ты подьедешь.

Они на меня не обращали никакого внимания. Я махал рукой, кричал и подскакивал к самому краю панели, так что брызги в лицо попадали. Машины шарахались от меня как от ненормального.

Тогда я зажмурился и выскочил на середину дороги.

звони. Подумаешь, отец ругаться будет, зато, может, скажет чего-нибудь.

Я так заорал, что Ваньчик от будки шарахнулся.

— Извини, старик,— сказал Юра,— сразу звонок не услышал, у меня тут пылесос.

— Ленка,— ору,— не знаешь где? В школе нет, дома к телефону не подходит. Безобразие сплошное!

Водитель тряс меня за шиворот, а я твердил, как заведенный:

— Все в порядке. Все. Все в порядке.

Он уже отпустил меня, а я, кажется, так и твердил эту ерунду. Шофер повернул меня к себе.

— Случилось что, ну?

— Порядок,— сказал я,— теперь точно — порядок.

Утром Ленка не пришла в школу. На перемене мы с Ваньчиком бегали звонить ей, но к телефону никто не подходил.

— Слушай,— сказал Ваньчик,— ты Юре по-

— Витек, я ведь только утром вернулся. Пока ваш физик приехал, пока Хола привезли, пока меня допрашивали. В общем я ее попросил маму из больницы встретить. Выписывается она. А мне к ее приходу еще убраться надо. Вечером заходи, договорились?

Мы неслись по мелким лужам.

— Витька! — орал Ваньчик, — Витюха! — Он задираю руку и показывал свои часы. — Опаздываем!

— Врешь! — я уворачивался от брызг, догоняя его. — Врешь! Успеем!

К О Н Е Ц

**ЗА СЕБЮ
ПЕЧАТАЙ**

КАКОЕ УТВЕРЖДЕНИЕ ВЕРНОЕ:

что точное время астрономы определяют, наблюдая за движением: Солнца? Луны? звезд?

что если ехать на машине вверх по горным дорогам, то шины становятся: тверже? мягче?

что в ртути не тонет: золото? железо? медь? свинец? вольфрам? платина?

ТАЙНА АХИ-ЯРВИ

ВОСПОМИНАНИЯ
УЧАСТНИКА РЕВОЛЮЦИИ

Н. Е. БУРЕНИНА

Описывая жизнь большевистского подполья и работавших в нем товарищей, не могу не вспомнить Александра Михайловича Игнатьева (партийная кличка его была «Григорий Иванович»).

Александр Михайлович вступил в Боевую техническую группу в 1905 году, вскоре после ее создания, и участвовал в ее работе до самой ликвидации группы. Это был настоящий, прирожденный боевик. Именно такие люди нужны были для той новой работы, которую мы развертывали с начала 1905 года...

Ему, как одному из руководителей боевой группы, единственной в то время в Петербурге, при всей сложности ее специфической организации, надо было быть особенно начеку... Выручали Александра Михайловича его необычайная смелость, сообразительность во время опасности и необыкновенная изобретательность...

Александр Михайлович предложил партии использовать Ахи-Ярви для Боевой техни-

ческой группы при ЦК, на что и получил полное согласие...

Имение Ахи-Ярви было расположено неподалеку от русской границы, в нескольких верстах от большого тракта, шедшего из Петербурга в Выборг. Шосейные дороги соединяли Ахи-Ярви почти со всеми железнодорожными станциями на Карельском перешейке. Таким образом, это имение было очень удобным перевалочным пунктом...

Деятельность Александра Михайловича велась главным образом в двух направлениях. Он ведал добычей, хранением и транспортом оружия. Кроме того, Игнатьев организовал химическую группу, добывал взрывчатые материалы, руководил изготовлением, хранением и перевозкой бомб...

Грузы с оружием я направлял на станцию Райвола, откуда они отвозились на лошади в имение Ахи-Ярви...

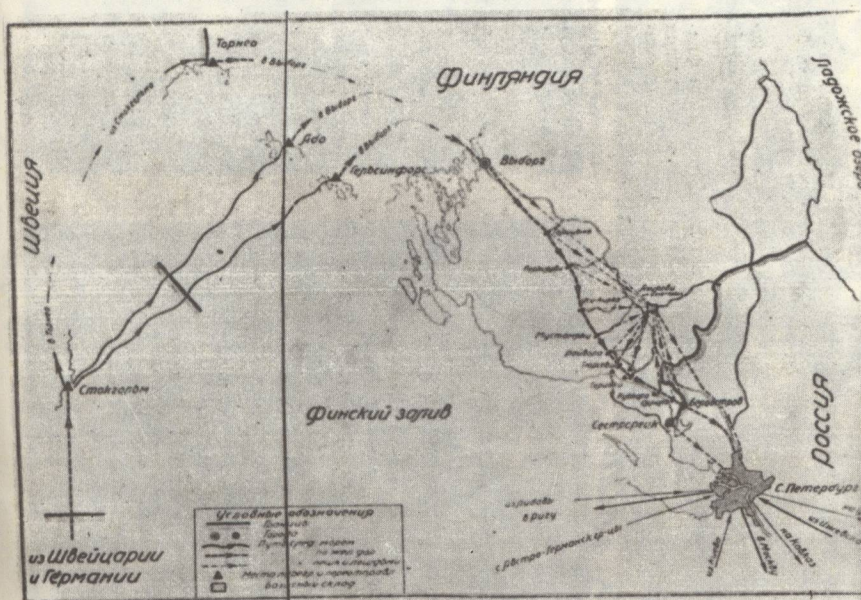
При этом на случай неожиданного налета жандармов, если бы транспорт был прослежен, установили сигнализацию, видимую за много километров. Подводы проезжали по дороге, идущей через гористую местность. Приблизительно на полпути на высоком холме стояла в Кивинапе церковь, видимая с вышки дома в Ахи-Ярви. Сын пономаря Саша Пимия должен был дежурить на колокольне, с которой в бинокль просматривалась большая часть дороги.

В случае опасности он сигнализировал Александру Михайловичу, дежурившему во время приближения подводы на вышке дома в Ахи-Ярви...

Скоро Ахи-Ярви стало центральным местом хранения взрывчатых веществ и экспериментов с ними.

Так продолжалось до начала реакции, когда партия была вынуждена ликвидировать боевую группу. Тогда началась не менее сложная и ответственная работа по очищению складов и подысканию долговременных хранилищ. И в этом деле Александр Михайлович проявил себя с исключительной энергией. Ахи-Ярви скрыло в своих лесах и укромных местах много всякого рода оружия и взрывчатых веществ. Вырывали склепы, в которые замуровывали ящики. На ящики настилали бревна, которые засыпали землей. Затем клали дерн и мох, а сверху сажали деревья. Вокруг этих мест рубили лес и устраивали завалы из деревьев, чтобы трудно было до них добраться. Был случай, когда бревна такого хранилища подгнили и в яму провалилась корова, но местная полиция решила, что склад остался от давних времен, о чем и было сообщено в газетах. Так никто и не догадался о подлинном происхождении найденных снарядов и оружия...

БАРАБАН В

ЖУРНАЛ
ЮНКОРОВ
ПЕЧАТАЕТ
ТВОИ
ЗАМЕТКИ,
СТИХИ,
РИСУНКИ

Революционный держи шаг!

С наступлением лета на кон-
вертах юнкоровских писем все
чаще появляется обратный ад-
рес: пионерский лагерь. Обрат-
ный адрес заметок, открываю-
щих сегодняшний выпуск «Ба-
рабана», — пионерский лагерь
«Радость» под Севастополем.

*В гостях у
летчиков*

Мы ходили в гости к военным
летчикам. Смотрели, как они
на тренажерах учатся. Я тоже
сидел за штурвалом и «водил»
самолет, а летчик подсказы-
вал мне.

Севастопольские летчики во
время Великой Отечественной
войны, имея всего 30 машин,
сбили 104 фашистских самолета.
3 пилота повторили подвиг
Гастелло. В одном из боев лет-
чик Борисенко сбил 3 самолета,
и когда его самолет загорелся,
он врезался во вражеский
эшелон и уничтожил его.

Алексей Попов,
6-й отряд

*Все лето
вперед!*

Прошло всего несколько
дней 1-й смены, а уже так мно-
го мы успели сделать в лагере:
и познакомились друг с дру-
гом, и выбрали совет отряда,
приняли участие в смотре строя
и песни, провели «День Мира»,
праздник Нептуна, экскурсию
на Мангуп-кале.

Еще до открытия смены ра-
ботали кружки. Например, я с
подругами записалась в кружок
макраме. Потом заработали
кружки мягкой игрушки, со-
ломки, изготовления цветов,
вязания. И во все хотелось за-
писаться. Ведь как приятно при-
вести домой и подарить маме
букетик нежных колокольчиков
или большое красивое панно,
смешного клоуна или картинку
из солонки.

Лена Лобачева,
2-й отряд

Утро

Шум прибоя по утрам,
Смех веселый тут и там,
Золотой песок струится,
Блещет море бирюзой.
Просыпаемся в 7.30
И на пляж бежим гурьбой.

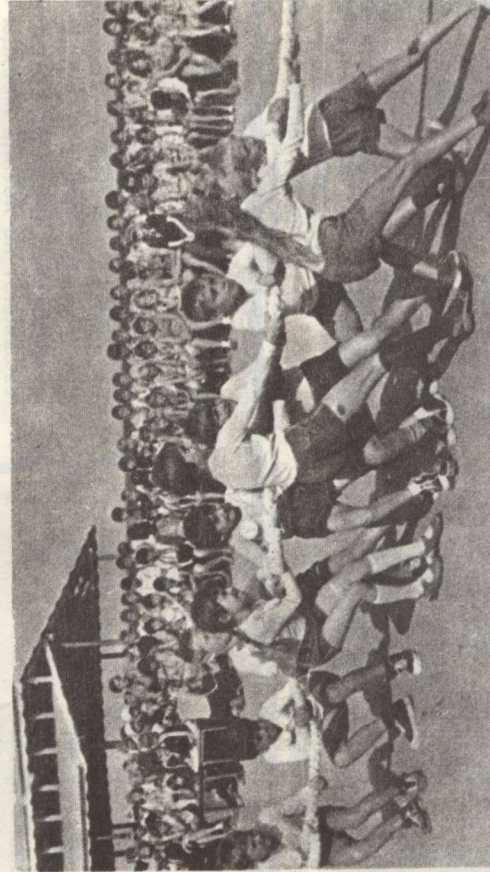
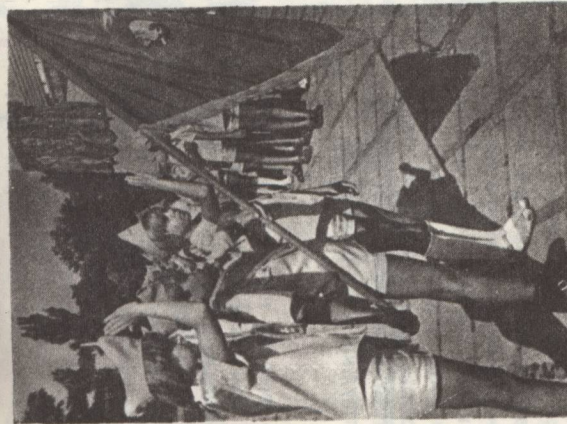
Лена Кица,
3-й отряд

Взвешиваем память

В Севастополе мы приехали в автобусе. Стали нести вахту у памятника героям-комсомольцам, погибшим в годы войны. Сменялись каждые пять минут. Я стоял в одном расчёте с моим другом и тезкой Сашей Кремневым. Хотя было очень жарко, очень хотелось пить, мы не жаловались. Мимо проходили притихшие люди, многие приносили цветы. Все было очень торжественно, и громко билось сердце.

Саша Филатов,
6-й отряд

Так назвали мыс

На Мангул-кале есть три мыса, но мы были только на одном, и этот мыс называется Дырявый. Его назвали так потому, что большая крепость, которая стоит на самом верху мыса, пробита насквозь.

Я в пионерский лагерь «Радость» первый раз приехала. И с первых же дней мне здесь понравилось. Отряд у нас очень дружный, да и вожаки неплохие.

Ира Носкова, 5-й отряд

КТО НЕ СПРЯТАЛСЯ, Я НЕ ВИНОВАТ
Саша Афанасьев, Чебоксары

НАЕДИНЕ С МОРЕМ
Михаил Радзиковицкий, Пятигорск

ВЕЛОКРОСС
Андрей Авдонин, Волгоградская область

ФОТОКОНКУРС

МЫ НА МАРШЕ

Больше ста гектаров молодого леса взяли под свою охрану члены лесничества «Романтик» Мирненской школы Красноярского края.

Матросами парусных судов стали эстонские ребята из пионерского лагеря на острове Сааремаа. Баркасы и лодки с рыболовными снастями перенес пионерым местный колхоз, где трудятся их родители.

Во время каникул пионеры 15-й школы Пенджикента Ленинадской области участвуют в археологических раскопках вместе с сотрудниками Ленинградского Эрмитажа. Недавно ребятами найдены бронзовый нож, бирюзовые бусины, керамическая посуда, которым уже три тысячи лет.

ПЯТИЛЕТКА В КРАСНОМ ГАЛСТУКЕ

У нас в Риге летом «распускается» ЛОТОС — Латвийский отряд труда и отдыха старшекласников. Эти отряды выезжают на летние месяцы в совхозы и колхозы. Школьники помладше работают в отрядах мини-ЛОТОС — в городе на заводах и в парках. В таком отряде работал и я.

В нашей школе было организовано 6 мини-ЛОТОСов. Каждый месяц работало два отряда — один на заводе «Энергоавтоматика», другой в парке Праздника песни. Работу на заводе задавали по бригадам — на неделю, на день, а иногда и на час. Мы свинчивали прибор, предназначенные для контроля высоковольтных линий и для ТЭС. Иногда работа была более мелкой: свинчивали различные пластинки, набивали на них так называемые лепестки, привинчивали к ним лампочки

и стекла, собирали вилки к розеткам и амперметры. Больше половины нашей продукции шло на экспорт. Мы чувствовали всю ответственность этого и очень старались.

Иногда мальчикам доставалась другая работа — разумеется, трудная, где нужна была сила — например, прикрутить крепко гайки или перенести приборы в другой цех. Нередко нам доверяли работу и на станках — особенно на токарном. Ведь мы в школе работаем на них уже пятый год.

Нами остались довольны на заводе. За хорошую работу выдали премию — 240 рублей (по 10 рублей на человека). Эти деньги и один наш дневной заработок (всего около 290 рублей) мы перечислили в фонд Чернобыля. Это был наш вклад в общее дело.

Ричард Велли,
Рига

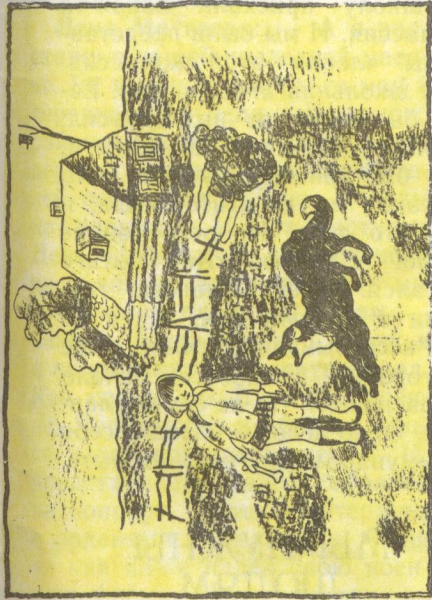
Есть очень полезные дикорастущие лекарственные травы: ромашка, подорожник, зверобой. Мы их собираем. С корнем траву рвать нельзя, поэтому мы ее аккуратно обламываем, чтобы растения не погибли, а росли снова. Подорожник собираем в один мешок, а зверобой и ромашку — пучками. Каждое утро автобус увозит из лагеря наши травы. Везут их в аптеки Ленинграда, и принесли они людям здоровье.

Наташа Копылова,
5-й отряд
п/л «Заполье»,
Ленинградская область

Друзья
Г. Ильясова

К нам в лагерь приехали польские харцеры и стали членами нашей пионерской семьи. Польские ребята принимали самое активное участие во всей лагерной жизни — в дежурстве, подготовке концертов, спортивных соревнованиях.

Надолго запомню я вечер дружбы. Начался он музыкой Шопена, его революционным этюдом. Затем звучали стихи Мицкевича. И как подарок — на русском языке польские ре-

бята прочли стихи Пушкина, спели русские народные песни. Мы провели в лагере День мира. В едином строю стояли пионеры из городов-побратимов — Гданьска и Ленинграда. Мы приняли декларацию о мире. В ней говорится, что мы, пионеры двух стран, выступаем за мир на всей земле, за ясное небо для всех детей мира.

Юля Никитина,
п/д «Волна»,
Ленинградская область

У реки

Летом, когда мы ходим на речку, я всегда беру с собой альбом и карандаши. Сидишь в траве и рисуешь: как прыгает кузнечик, поет соловей, растет гриб, танцуют свой танец бабочки. И еще я люблю рисовать свою самую лучшую подружку Иру Борисенко. Она такая же красивая, как всё вокруг меня у речки. Поглядите сами.

Лена Некрасова,
Псков

Летним вечером мы с бабушкой гуляли, как вдруг возле ног что-то торопливо пробежало. Еж!

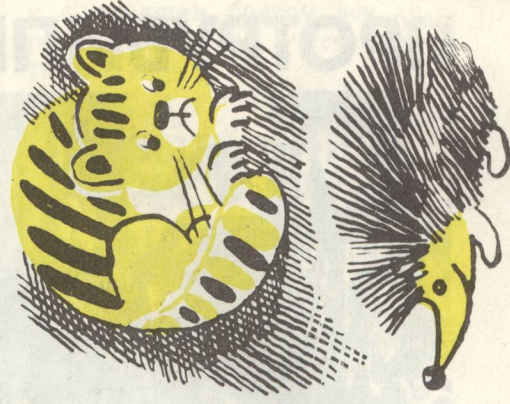
О ежике я мечтала давно. У нас однажды уже жил ежик зимой, летом мы его выпустили.

Дома я налила ему молока, положила кусочек яблока. Он сразу же обосновался в гостях, посапывая и громко чавкая, принялся есть. Почуввав запах молока, в кухню вошел кот Васька. Он долго разглядывал гостя, — ежик свернулся в клубок, — а потом угрожающе выгнул спину и ударил ежа лапой. Что тут было! Бедный Васька, как сумасшедший, мотался по кухне, держа на весу уколотую лапу. А в кухню вошли наши овчарки — Альфа и Бетта.

Ежик забрался под шкаф, а утром ушел из беспокойного дома. Но он не убежал, а устроился в сарае, натаскал травынок и настлал из них гнездо. Когда он уходил за добычей, я приносила в сарай капусту, морковку, яблочко. Завидев меня, ежик уже не сворачивался в клубок.

Прошел месяц. Как-то я зашла в сарай, но на обычном месте никого не застала. Потом вижу, из ящика торчат травинки и сухие листья. Во мраке ничего не было видно, и я зажгла фонарь. И что же я увидела! В ящике на мягкой подстилке сидели два ежа и трое маленьких ежат. Они забавно попилились возле матери.

Я погасила фонарь и тихо-тихо ушла за молоком для нашего большого Семейства.

Оксана Логвиненко живет в Ворошиловграде. Из школьных предметов ей больше всего нравится литература, она любит писать сочинения и рассказы о животных.

ГОСТЬ

ПРОТРУБИЛИ „ТРУБАЧИ“ ТРЕВОГУ

ЗНАКОМСТВО ПО ОБЪЯВЛЕНИЮ

Это сейчас я знаю, как их найти. А тогда шел по лесным тропинкам и по берегу Луги и в каждом пионерском лагере спрашивал: «У вас есть юные коммунары?»

В ответ удивлялись, пожимали плечами и тоже спрашивали: «А кто они такие?»

У деревни Крупели меня догнали сразу двое — дождь и велосипедист, мальчишка лет одиннадцати-двенадцати. «Дяденька, вам в «Салют» надо! Хотите, покажу дорогу?»

Дежурный по лагерю писал в пионерской комнате объявление: «Сегодня в дружине — вечер знакомств. Слово — «Юным коммунарам».

Я вошел в комнату, прочитал объявление и сказал дежурному: «Я бы не хотел ждать до вечера...»

ЕСЛИ Я — ДЛЯ СЕБЯ, ЗАЧЕМ Я?

Коммунаров было — раз, два и обчелся: Славик и Наташа Радостевы, Таня Каяхова, Леша Зудин, Алиса Цыкунова, Лена Матвеева и Андрей Смирнов. Все учатся в разных школах и в разных классах — с 5-го по 8-й. И в лагере — тоже в разных отрядах.

— Вы считаете, что вам нужен специальный отряд. А я сомневаюсь. И дело не в том,

что вас мало. Вы же и так числитесь в отрядах — в школе и в лагере. Разве не правда?

Таня Каяхова: — Правда. Но в лагере мы только во время каникул...

Славик Радостев: — И тут мы стараемся не выделяться. Работаем каждый в своем отряде. Даже на линейку отдельно не выходим...

— А в школе? Разве мало работы в отряде класса? Получается, что после окончания уроков вы из одного отряда бежите в другой?

Андрей Смирнов: — У нас в классе после уроков все идет домой. Следопытов нет. Тимуровцев нет. Ничего нет. О том, что пионерская жизнь действительно существует, я узнал только в лагере, благодаря «Трубачам».

— А когда узнал, что она существует, тебе не хотелось, чтобы о ней узнали и твои одноклассники?

— Хотелось, но им ничего не нужно. Те, кого учителя считают активистами, на самом деле настоящие формалисты.

Наташа Радостева: — Я в своей школе два года подряд организовывала спектакли для малышей. Все были довольны, всем нравилось. А потом весь энтузиазм пропал. Мои помощники стали утверждать, что шефство над малышами — пустая трата времени. Но другой работой в классе никто не занимался. И дружбы у нас тоже не было. Хотя все ходили парочками — мальчик с мальчиком или девочка с девочкой.

НАША СПРАВКА

«Трубачи» — отряд вожатых-комсомольцев, студентов Ленинградского государственного педагогического института имени А. И. Герцена.

9 мая 1986 года «Трубачи» организовали постоянный пионерский отряд «Юные коммунары».

Вожатой коммунаров стала Юля Темкина, студентка 4 курса факультета физики.

Некоторые, когда мальчик с девочкой, даже под ручку... А с пионерской работой — полный завал. Надо было что-то делать. Первым делом найти единомышленников. Поговорила с ребятами. Человек пять думали так же, как я. Организовали ударное звено и стали вкалывать за весь отряд. Была надежда, что своим примером растормошим остальных: у кого-то совесть пробудится, кому-то стыдно станет. Так продолжалось месяца два. А потом в школу приехала какая-то комиссия. И мы были представлены членам этой комиссии как школьная агитбригада. Если бы кто-то из них спросил, кто мы такие и чем занимаемся, мы бы, конечно, сказали, что никакая мы не агитбригада, и все это липа. Но вопросов не было. А вопрос «Как быть?» остался. Я его понимаю так: если я — для себя, зачем я?

Рассказывали искренне, даже с горечью. И кое-что начало проясняться. Но не самое главное. Одно дело — назвать себя коммунаром, другое — им быть.

МЫ НУЖНЫ ЛЮДЯМ

Скажу прямо: мальчишки и девчонки мне сразу понравились. И три месяца — слишком маленький срок, чтобы доказать себе и окружающим: мы — уже отряд. Некоторые годами стараются, а что толку? Коммунары считают: такие доказательства есть.

Леша Зудин: — Мы стали лучше. Научились говорить правду и уважать друг друга. Поняли, что нужны людям. Если человек это понимает, он становится лучше. В отряде у нас традиция — все по очереди должны быть дежурными командирами. И вот, когда я был дежкомом, почему-то стал нос заирать. Наверное, потому, что до этого не приходилось командовать другими. И тогда Славик сказал мне о моих ошибках. Мне было неприятно, но я не обиделся. Он ведь сказал правду. Настоящие друзья на правду не обижаются. А вот еще случай. Перед самым отъездом в лагерь ходили на медосмотр. А когда шли обратно, Таня Каяхова споткнулась и не могла ступить на ногу. Мы сразу понесли ее в травмпункт. Там сказали, что нога сломана. Таня заплакала. Заплакала не потому, что ей было больно, а потому, что поняла: в «Салют» она уже не поедет. Но и мы не хотели оставлять ее одну в городе. Нам удалось уговорить сперва начальника лагеря, а потом ее родителей. И Таня поехала.

Лена Матвеева: — А я расскажу о нашей последней маевке. Ее мы проводили 9-го мая в деревне Крупели Лужского района. Накануне ездили в эту деревню и попросили всех жителей собраться в День Победы на площади. И вот наступил День Победы. В назначенный час, как и договорились, мы пришли на площадь, а там — никого. Тогда Леша, Славик и я отправились собирать народ. Как собирали? Шли по деревне, Леша играл на баяне, а мы со Славиком пели песни. И, представляете, народ собрался на концерт. Пришли ветераны, с орденами и медалями. Один из них даже надел свою военную форму. И мы поняли, во время войны он был моряком. Помню, как он меня спросил: «Дочка, вы к нам из Толмачева приехали?» Я говорю: «Нет, из Ленинграда». Он говорит: «Это же больше ста километров! Значит, правду говорят, что никто не забыт и ничто не забыто». И стал вместе с нами петь песни времен войны.

Потом одна местная девочка, кажется, это была его внучка, принесла из дома скрипку и тоже приняла участие в концерте.

ЕСТЬ ТАКИЕ ПИСЬМА

Толика Зудина я не видел. Знаю о нем со слов коммунаров.

— Толик — старший брат Леша. Толик его к нам за руку привел.

— Родителей у них нет. Только бабушка. И ей уже — восьмой десяток.

— Он, когда был пионером, тоже приезжал в «Салют», зарничниками в лагере командовал: А после восьмилетки в ПТУ на слесаря учился.

— В педотряд «Трубачи» Толика взяли по рекомендации Юли. До этого там были только студенты.

— Он теперь — в армии, и мы с ним переписываемся.

Я читал его письма, подробные и обстоятельные. Они приходили сперва из далекого гарнизона, а сейчас — из Афганистана, где Зудин-старший выполняет свой интернациональный долг.

Читая их, сразу обратил внимание: о себе почти не пишет. Кроме «Жив-здоров», «Все нормально», с трудом «выудил» пару строк: «Вчера командир взвода послал меня в детский сад, окна к Новому году разрисовывать. Работая, размечтался. Вспомнил, как перед уходом в армию мы делали стенгазету».

«Шел по военному городку и вдруг — Борька! Помните, он тоже был «трубачом» и работал в нашем лагере...»

Остальное в письмах — это советы коммунарам и вопросы о жизни отряда.

И я не сразу понял Зудина-старшего. Неужели вопросы: «Как прошел агитпоход по Лужскому району?» или «Кто сейчас дежком?» для него важнее самого главного — «Как поживает мой Лешка?»

Потом догадался: Толик рассудил просто и мудро: «Если в отряде все хорошо, значит,

и с младшим братом все хорошо. Коммунары о нем заботятся».

БЫТЬ ИЛИ НЕ БЫТЬ?

Летом они в пионерском лагере. А зимой, осенью и весной встречаются у Казанского собора, в сквере, возле памятника Кутузову.

На встречи коммунары приходят в форме. Черные брюки и малиновые рубашки им купила Юля. Специально в Эстонию ездила.

И еще новость. Теперь их уже не восемь человек, а пятнадцать. И на встречу я пришел, чтобы познакомиться с новичками.

Да, отряд растет, это говорит о многом. Вот только глаза у Юли сегодня почему-то печальные.

— Юля, что случилось?

— Как — что? Институт, можно сказать, закончила. Теперь — распределение и — в школу. Что такое работа в школе, всем известно. Для моих коммунаров от меня просто ничего не останется — ни сил, ни времени.

Словно обжигаясь недосказанным, вожатая умолкает. А я ищу и не нахожу слов, чтобы ей ответить. Действительно, как быть? Ведь у них — ни крыши над головой и никого, кроме вожатой. Свои сборы проводят у кого-нибудь на квартире или в институте, на факультете, где она учится. Там, в канцелярии факультета, Юля отводила целую полку в шкафу — надо же где-то хранить отрядное имущество...

Но все-таки, что я отвечу Юле? Ведь в жизни всегда вопросов больше, чем ответов.

Со скамейки, где маячат малиновые рубашки, тихо звучит песня:

Когда на сердце тяжесть
И холодно в груди,
К Казанскому собору
В субботу приходи!

Славка напевает ее под гитару. Самый маленький из юных коммунаров и самый большой оптимист.

В. ВЕРХОВСКИЙ

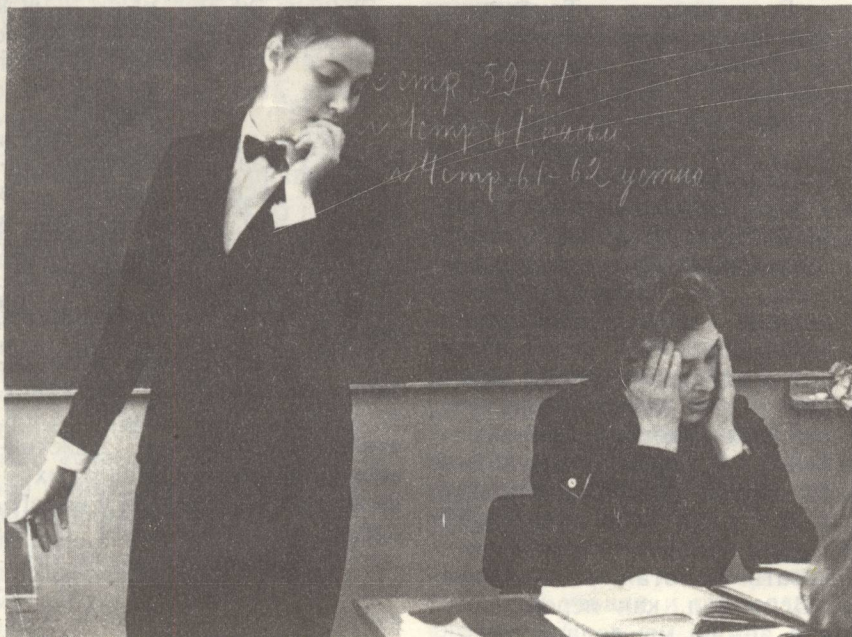
САМОТ, УВЛЕЧЕННЫЕ!

ДЕВОЧКА С ФОТОАППАРАТОМ

Когда она училась в седьмом, фотографировать не умела. Совсем. В сентябре, когда перешла в восьмой, в классе появился Юхан Юханович Ласман, руководитель детской фотостудии целлюлозно-бумажного комбината г. Кохтла-Ярви. Ласману был нужен мальчишка, уже умеющий снимать. Но из-за парты поднялась девчонка.

— Возьмите меня.

Ей пришлось трудно. Даже четвероклассники из фотостудии с важностью щеголяли словами: «ракурс», «композиция», «телевик». А она то дважды снимала на одну и ту же

пленку, то путала проявитель с закрепителем. И тогда она ревела.

Но упорства у нее было на троих. Могла снимать один и тот же сюжет по восемь-десять раз. С «Зенитом» Таня не расставалась ни дома, ни в школе. Весь интернат знал — эта Новикова всех снимает.

Через год, когда она училась в девятом, в фойе комбината появилась ее персональная выставка. В десятом классе на фотоолимпиаде школьников в Клайпеде ее работы заняли первое место.

Сейчас Татьяна Новикова студентка первого курса факультета журналистики МГУ. Специальность? Конечно же — фоторепортер.

В. ТЕРЕШКИН

Николай ЕГОРОВ

КОНОПУШКИ

Пень-Пенькович от опят
Конопат
До самых пят.
Очень старому, ему
Конопушки ни к чему.

И поэтому, ребята,
Всех их, рыжих,
До одной,
Я собрал с него
И спрятал
В кузовок берестяной.

ЛЮБОПЫТНЫЙ МЕСЯЦ

Обойдя сады
И пашни,
Он дождался тишины,
Притулился к телебашне
И цветные смотрит сны.

Рисунок К. Почтенной

КУЧЕВЫЕ ОБЛАКА

Громоздятся облака
Кучевые в кучу
И толкают под бока
Дождевую тучу.

Туча полные несла
Ведро и кадушки,
Накренилась,
Пролила
Всё до капелюшки.

Капелюшки рожь поймала:
— Туча, туча,
Мне их мало.
За водой сходи скорей,
До корней
Меня пролей!

ОЗИМАЯ РОЖЬ

За рекой живет озимка —
Очень маленькая рожь.
К ней в зеленую низинку
Долговязый ходит дождь.

Добрым взглядом
Сверху взглянет:
— Как, озимушка, дела?
Рожь на цыпочки привстанет:
— Полюбуйся,
Подросла!

ГОЛОВА ПРОФЕССОРА ШИШКИНА

Марина МОСКВИНА

РАССКАЗ

Рисунок В. Лебедева

Нет на свете, скажу вам, человека серьезнее моего папы. Даже среди родственников по его линии. Хотя в нашем роду люди наисерьезнейшие, кроме дедушкиного брата — дяди Вани из Витебска. Этот наш дядя Ваня, во-первых, единственный жгучий блондин. А во-вторых, он всегда был с причудами и любил надевать на голову капроновый чулок.

В этом смысле у папы с нашим дядей Ваней — ничего общего. Папе не то что в зрелом возрасте, в детстве такое бы в голову не пришло. Достаточно взглянуть на его детскую фотографию: стоит на стуле, в коротеньких штанах, майке, пухленький такой, а лицо — настоящего взрослого человека.

Раз только в день своего совершеннолетия папа поступил легкомысленно. Он упросил старушку — соседку по их коммунальной квартире сделать ему брюки-клевш. В новой тельняшке и в таких вот брюках с клиньями из другого материала папа куда-то ушел и на свой день рождения не явился.

Напрасно ожидали папу бабушка, дедушка и друг дедушки Кошкин, который, зная, что папу беспокоят исключительно судьбы стран и народов, принес ему в подарок трехтомник Карла Маркса.

— К тебе гости пришли! — кричал потом дедушка на папу. — Карла Маркса подарили!..

С этого момента папа до того сосредоточился на общественных науках, что во все остальное просто не вникал. Спросишь у него:

— Пап! Это что за дерево?

— НЕ клен.

— Да это ж бузина, — говоришь ему. — Разве ты не знаешь?!

А он не знает и обижается.

И мне когда исполнилось двенадцать лет, и мы с папой поехали на море, я так решила: папу не обижать, наоборот, если что — защищать, ведь он у меня — такой ранимый.

И вот мы на море! И я кормлю чаек вместо зарядки. А море — гладкое, как бритва, с острым горизонтом. Ни волн, ни ветров, одни рано утром чайки шумят на берегу.

Но в основном тут штормит, не зря гранитный мол загораживает от моря город. И не всегда волнорезы теплые и сухие. И ящерицы так бесстрашно замирают на солнце у самой воды.

Мы сняли комнату на краю города. За нами росли гигантские эвкалипты, чайные кусты и пальмы с узким основанием и таким расширенным верху стволом, что напоминали морковку.

К морю от нас идти вдоль чугунной ограды санатория «Прибой». Эту ограду, не переставая, все лето красили два аджарца в пилотках из газет. Чинно сидя на стремянках, они покуривали

папиросы, болтали ногами в скособоченных башмаках и вели неторопливую беседу на своем языке.

Все вокруг они заляпали и забрызгали, но мне нравится стоять возле них и нюхать, как пахнет краской. Я вообще бы пошла учиться на маляра. Там ученики — так написано в объявлении — «обеспечиваются парадной формой!» А?! ПАРАДНАЯ ФОРМА МАЛЯРА?! А крутящиеся на палках щетки — под названием холява?! Малярный каток с узорами! Ведра красок!.. А полеты в люльке?!

Но папа против.

— Мой тебе совет, — говорит, — шагай по стопам своего отца. А то будешь безалаберной, как наш дядя Ваня: родился в Гомеле, учился в Житомире, живет в Витебске — восемьдесят лет человеку — ничего в жизни не понимает.

Не знаю, с дядей Ваней у меня было не так уж много встреч, но я его без памяти любила. И именно за то, что наш дядя Ваня никогда не шагал ни по чьим стопам. В любом деле — чем бы оно потом ни кончалось, дядя Ваня прокладывал собственный и необыкновенный путь. И притом — можно говорить с ним о всякой всячине: все он прекрасно понимает — и в жизни, и везде!

Уйдя на пенсию, дядя Ваня научился играть на гитаре. Он поставил задачу — осваивать в год ровно по одному аккорду. Спустя три года дядя Ваня свободно себе аккомпанировал и сделался признанным в Витебске самодеятельным шансонье.

А его коронный номер — голова в чулке?! Никогда не видела ничего чудеснее. И, по правде говоря, мне жалко, что папа, почти прямой дяди-Ванин потомок, — ничем на него не похож.

Ну и что, я на папу не жалуюсь. Он ведь не виноват, что родился серьезным. Бежит папа утром по улице трусцой, в одних только плавках! А с каким солидным видом! Два аджарца-маляра приподнимают газетные пилотки и почтительно приветствуют его:

— Доброе утро!..

— Здравствуйте, товарищи, — отвечает им папа и скорей, пока жители города не повысыпали из домов, мчится дальше, на море — в этих своих, как я уже говорила, плавках.

Раз в сто лет попадают такие плавки — с пожеланием! Прямо на трусах мелкими буквами написано: «Счастливым вам носки!»

— До чего доброжелательный народ, — сказал папа, приобретя их в пляжном киоске.

И лето, правда, вышло счастливое. На каждом углу продавали кукурузу!.. Земляные орешки, спелую хурму!.. Я с ластами плавала, в маске и с трубкой!.. Я обгорела!.. А папа — ничего. Это потому что он смуглый.

Я заметила: чем человек чернее, тем он, как правило, упорнее загорает. Рядом, например, со мной и папой загорали двое негров. Муж и жена, из Африки приехали отдыхать. Целыми днями они лежали на лежаках — им даже врач из медпункта сделал на мегафон замечание.

Все шло прекрасно. Откуда нам было знать, что наша с папой беззаботность висит на волоске.

Однажды к хозяину, у которого мы жили, дяде Георгию пришел его друг культорг из санатория «Прибой». В маленькой, увитой «граммофончиками» беседке за чашкой виноградного сока дядя Георгий открыл другу, что его квариант по профессии лектор.

Тогда культорг — внушительная фигура, весь в зеленом, один пиджак в лиловых листьях пальм, возник в наших с папой дверях и сказал:

— Валерий Борисович! Попрошу! Прочтите лекцию у нас в «Прибое»!

Назавтра ближе к вечеру по городу и по побережью расклеили афиши. В программе обещали:

1. Доклад «Значение изучения истории для наших дней». Читает В. Б. Шишкин, профессор из Москвы.

Потом шли глаза. Черные, жуковые, размером с камбалу. И подпись: «Маг исчезновений! Артист-иллюзионист! Фокусник-манипулятор-имитатор-престидижитатор Олег Зингер, г. Ялта».

Папа чуть в обморок не упал, когда это увидел. Мы кинулись в «Прибой» и разыскали там культорга.

— Я не профессор,— говорит мой папа.— Я кандидат исторических наук.

Весь в белом, один фиолетовый циферблат на часах, культорг ободряюще обнял папу.

— Не на профессора,— сказал он,— у нас не пойдут.

— Но послушайте,— говорит ему папа.— К чему мне дутая репутация?! Я ученый! — Папа получался самозванец.— Это шарлатанство.

— Это реклама,— спокойно возразил культорг.— Мое дело — аншлаг! Ну напиши я: «Шишкин-кандидат». Все явятся ко второму отделению. Сравните: лекция — он сделал скучное лицо и будто бы устал нос в шпиргалку.— или... МАГ ИСЧЕЗНОВЕНИЙ?!

Я знаю папу. Надо очень постараться, чтобы вывести его из себя. Но, видно, здорово его заело, раз он сказал:

— Выходит, искусство оратора здесь ставят ниже... фокусов-покусов?!

Я была тут же, рядом, и меня обуревали противоречивые чувства. Папу обижают, а я не знаю, как его защищать. С одной стороны: как можно сравнить?! Фокусника и ученого!..

С другой стороны, всю жизнь я сходила с ума по клоунам, фокусникам, канатоходцам, по всему в этом духе, а главное, по цирковым лошадям. Папа, конечно, против, но я бы хотела, больше, чем маляром, стать конюхом в цирке, ухаживать за лошадьми, вести с ними вместе скитальческую жизнь!..

И хоть я и переживала за папу, предательская мысль шевелилась во мне: «А правда! КА-

КОЙ доклад сможет быть соперником МАГУ ИСЧЕЗНОВЕНИЙ?!»

— Так-так,— сказал папа, глядя на меня, будто бы прочел мою мысль на расстоянии.— Хорошо! Это мы еще посмотрим.

В окне над морем вспыхнули и скрестились лучи прожекторов, сияющие, как рапиры.

Вот как произошло, что мой папа погрузился в размышления. Он вообще-то молчаливый, а тут и вовсе прекратил говорить. Наутро малярам — своим друзьям аджарцам забыл ответить на приветствие.

Он стал рассеянным, нашел на пляже рыбу и бросил в море, говорит: «Пльви!» А это был копченый толстолобик.

И что он раньше делал с удовольствием — читал, намазывал бутерброды, лежал на солнце, поднимался в горы,— теперь производилось как-то механически. Брился ли он, кипятил ли на кухне чайник, слонялся в одиночестве или в компании со мной — везде и всюду мог вынуть из кармана клочок бумаги и что-то быстренько взять и записать.

За день до выступления я обнаружила папу в эвкалиптовой аллее. Был сильный туман. В море, чтоб не налететь друг на друга, гудели корабли. Сквозь это гуденье до меня доносилось: «...принципы историзма!..», «...промежуточные звенья!..», «логика развития!..», «социальный прогресс...»

Он репетировал речь, обращаясь к эвкалиптам. В обед перед «вечером» папа съел банку горошка. Одну, чтобы не наедаться.

— Сытый оратор,— объяснил папа,— вял и невыразителен.

Потом он сказал:

— Надо накопить в себе резерв энергии.

И часок вздремнул. И мы с ним пошли.

Клуб был полон. Публика, шумно топоча босоножками, рассаживалась в красные клеенчатые кресла. В толпе с отдыхающими «Прибоя» входили знакомые — хозяин дядя Георгий, врач, пляжные волейболисты, сапожник, булочник, продавец кукурузы, в парадной форме маляры, их жены, их сыновья...

Свет потух. Горел один фонарь у сцены. Вокруг него заметалось жуткое, подсвеченное существо — комар карамара. Слева на сцене стоял рояль, справа — бок о бок — два огнетушителя, а перед занавесом — за столом с графином сидел культорг. Клубный занавес и костюм культорга были сшиты из одного и того же коричневого плюша.

— Валерий Борисович Шишкин! — объявил культорг.— Доклад!

Папа вышел хмурый, окинул взглядом полутемный зал, и вдруг улыбнулся и говорит:

— А давайте включим свет?

Культорг неохотно исчез распорядиться, а папа тем временем убрал стол с графином. А стул культорга он пододвинул к роялю. Тот возвращается — так растерялся, сел, было, за рояль, все засмеялся, и он обиженно оставил сцену.

И вот, когда в зале зажгли все лампы, и папа на сцене остался один, он начал свою речь с Парижской коммуны. Как стихи, прочитал он (ко-

нечно, не по бумажке!) программу французских революционеров.

Голос папы то возвышался, то понижался. Несколько слов он произносил быстро, а когда подходил к самому важному — замедлял свою речь и сильно на это напирал.

— Париж был осажден, — рассказывал папа. — Но обращения парижских коммунаров сбрасывались над Францией с воздушных шаров!..

Он говорил то приподнято, с вдохновением, то нормально, как со мной. Иногда посреди речи он вдруг останавливался. Но в эти внезапные остановки никто не кашлял, не шаркал ногами, не переговаривался с соседом. Все тихо сидели, как эвкалипты, и ждали, что будет дальше.

От Парижской коммуны папа перешел к нашим дням. К сражениям трудящихся против эксплуататорских порядков. О том, как он сам ездил во Францию, и рабочие автомобильных заводов «Рено» пожаловались папе, что автомобилей они стали делать намного больше, чем несколько десятилетий назад, а их жизненный уровень не только не повысился, но даже, можно сказать, понизился.

— Мыслимо ли такое положение дел в условиях нашей страны? — спросил папа.

— Нет! — крикнул кто-то из зала.

— Вив люньон Совьетик!.. — поддержал папу могучий африканец.

Многие из отдыхающих брали доклад на карандаш. Какой-то художник углем в альбоме делал наброски папиного портрета. Дядя Георгий в голос окликал знакомых и жестами показывал, что папа — его постоялец. Один человек спал. Но лицо его во сне было просветленным.

Благодаря моему папе, все чувствовали себя поумневшими, приобщенными к глобальным проблемам! И когда зрители еще хотели, чтобы речь продолжалась, папа ее, как мне кажется, с блеском завершил.

Он был неотразим. Это видели все, и понятия не имели, что папа в тот вечер не просто выступал. Он бросал вызов. Не культуру! Не ялтинскому фокуснику! А вообще всяким «фокусам-покусам». И еще, может быть, тому, что я, его единственная дочь, хоть и очень люблю его, как отца, — вовсю шагаю по стопам дяди Вани из Витебска.

Но не успел он — непобедимо — скрыться из виду, как по знаку вновь возникшего культурга в радиорубке запустили рок-н-ролл.

— «Ага!» «Ого!»... — зажигательно выкрикивали певцы из динамиков.

Произошла какая-то заминка.

По краю сцены, состроив угрожающую гримасу, дико жестикулируя, промчался культург. И наконец, появился фокусник!

У него был чуб — напояженный — махагонового цвета!.. Бордово-фиолетовый смокинг! Белая рубашка! Лазоревая «бабочка» и в тон «бабочке» — хризантема!

Он катил на колесиках совершенно пустой стол на четырех ножках, покрытый скатертью с короткой бахромой.

— Добрый вечер! — крикнул фокусник. — Будьте внимательны! Чем внимательней смотришь — тем меньше понимаешь!..

По мановению его руки скатерть на столе начала вздыматься, и фокусник из-под нее вытащил большой раскрытый зонт.

Зонт он сложил и закрутил в бумагу.

— Это я знаю! — шепнул наш хозяин дядя Георгий.

— Н-нужная вещь! — восклицал фокусник, чуточку заикаясь, — Д-дорогая!.. Но все, что нам д-дорого!.. — он пританцовывал, поддери́гивал рукава смокинга, дул на свой сверток. — Можно — хоп! — он разорвал бумагу, — и п-потерять!..

Зонта в бумаге не было.

— Ты смотри, ловкач! — тихо шумели прибоевцы.

— ...Откуда ТАМ взялся зонт?!

— Лучше скажите, куда он мог подеваться.

— Да этот зонтик, он у него в штанах, — терпеливо объяснял всем дядя Георгий. — Обычно хитро пошитые труковые бруки!

...Так было здорово, жалко, что папа не возвращался. А мы ему с дядей Георгием заняли место. Договорились ведь, что придет...

— Ап! — жонглировал фокусник появившимися на его волшебном столе зажженной сигарой, тросточкой и цилиндром. Один за другим они в воздухе испарялись.

Он все терял, даже настоящую курицу! И все исчезало в его руках! А под скатертью в который раз образовалось какое-то вздутие.

— Ф-фокус — хокус!!! — объявил иллюзионист и... сдернул покрывало.

На столе у фокусника в капроновом чулке стояла и с отрешенностью смотрела на зрителей... голова моего папы.

Я сразу его узнала, потому что, надев чулок, он стал вылитый дядя Ваня.

— Папа, — говорю я.

— Да, как ни странно! — говорит дядя Георгий.

Голова вращала глазами, подмаргивала и улыбалась.

— Ап! — сказал фокусник и накрыл ее скатертью. — Сим-салабим абра-кадабра! — сказал он, и стол опустел.

Я встала. Дядя Георгий схватил меня за куртку.

— Не бойся, — шепчет. — С ним ничего! Он, скручившись, сидит под столом.

— Но под столом-то его нет! — говорю я.

А дядя Георгий:

— Там он, в мешке, прозрачный!..

— Мира и счастья вам, дорогие друзья! — сказал фокусник, подхватил свой стол и, изобразив звук уходящего поезда, уехал за кулисы.

Бешеные аплодисменты потрясли клуб санатория «Прибой». Но выходил ли на поклон фокусник — я не знаю. Клубным двором, вверх по лестнице без перил, длинным коридором мимо захлопнутых и распахнутых дверей, я бежала искать папу.

Конечно, я понимала, фокус есть фокус. Но как-то неприятно вертелось в уме это фокусниково: «...все, что нам дорого!.. можно — хоп! — и потерять!» Нет, я понимаю, имелся в виду зонт. Сигара, курица!.. Не папа же в самом деле! И все-таки сию минуту мне надо было увидеть его — ЦЕЛИКОМ!

Подбегаю к «артистической», а из-за двери:

— Кр-рах!

— Бац!

— Кр-рум! — какие-то страшные удары.

Мне стало совсем не по себе. Толкаю дверь и вижу: в тесной комнате, заставленной ширмами, ящиками, клетками с курицей и голубями, сидят и большими булыжниками колот и поедают грецкие орехи мой папа, фокусник и культорг.

— Я вам всю музыку испортил, — говорил папа. — Не выдержал. Исчез раньше времени!..

— Что вы, Валерий Борисович! — успокаивал папу фокусник, выбирая орешек из скорлупы. — Вы ассистировали, как зверь. С лету, без репетиций! Вот бы мне с кем поработать на пару!..

— Обоих, обоих благодарю! — бормотал культорг. — Лекция! Иллюзион! Аншлаг! Бесподобно!.. — и приглашал папу с фокусником в ресторан.

А фокусник приглашал в гости в Ялту!..

А папа — к нам домой!..

А фокусник рассказывал, что когда он приехал первый раз в Москву, его поразило обилие ворон, и что не сосна, а елка на Новый год!..

Поздно вечером я и папа шли к себе по берегу на край города. Над горизонтом после заката осталась белая полоса, от этого он казался приподнятым, как настроение у нас с папой.

— Он говорит: «Валерий Борисович! Спасите! Мой ассистент уехал по ошибке в Батуми!» А я ему: «Вы соображаете? Я только что... серьезную лекцию!..» Стали сажать туда культорга, а он, представляешь? не помещается! Я говорю: «Давайте мне маску!» А он мне: «Где же я ее возьму? Мой ассистент работал в натуре». И тут я вспомнил: дяди-Ванин чулок! Думаю — была не была, в чулке никто ничего не заподозрит!..

Папа рассказывал, улыбался, взмахивал руками и не замечал, что давно уже шлепает в ботинках по морю.

И мне так приятно было шагать по его следам.

Колесо — признанный король транспорта. Однако, у него есть давний соперник. Этот соперник... обыкновенная труба, и еще совершенно юный соперник — магнит. Они постоянно теснят друг друга. О том, как разворачивается эта борьба, ведут разговор руководитель лаборатории института ВНИПИгидротрубопровод кандидат технических наук **Юрий Андреевич ТОЛАСОВ** и руководитель комплекса транспорта на магнитной подвеске института ВНИПИтрансгресс **Юрий Дмитриевич СОКОЛОВ**. Выяснить истину им помогает наш корреспондент **Сергей ЦВЕТКОВ**.

Соколов: Что человек всегда стремился получить от средства передвижения? Скорость, безопасность и удобство. Колесо в наш век больших скоростей уже не надежно. Как только автомобиль достигает скорости 350 км/час — у колеса нарушается сцепление с дорожным покрытием — оно начинает подпрыгивать. И еще — колесо не может работать на больших подъемах — буксует. Нельзя забывать и о шуме. А от вибрации, которую создает колесо, разрушаются даже здания!

Корреспондент: Но ведь сейчас созданы двигатели внутреннего сгорания, которые работают почти бесшумно!

Соколов: Зато они по-прежнему выбрасывают в атмосферу много отработанных газов. Транспорт же на магнитной подвеске экологически безопасен! А это многое значит — чистый воздух.

Корреспондент: Трамвай или

электричка тоже не засоряют окружающей среды.

Соколов: Транспорт на магнитной подвеске в 40 раз экономичнее традиционного! Наш вагон как бы «подвешен» в воздухе, благодаря мощному электромагнитному полю, на которое он «опирается». Мы покончили с давним врагом механики — трением качения. Наш транспорт практически не имеет ограничения в скорости, хотя разумный предел 500 км/час.

Корреспондент: Однако это намного меньше, чем у самолета.

Соколов: Знаете, какую площадь занимает современный крупный аэропорт? Почти такую же, как и небольшой город! А ведь это все территории, отнятые у сельского хозяйства. Наш вагон на магнитной подвеске — это своего рода тоже самолет, только наземный. У него есть много преимуществ перед обычным воздушным лайнером. Он бесшумен, безопасен — ведь летит он всего на расстоянии одного сантиметра над землей, всепогоден. К тому же можно создать и подземный «самолет», если поместить наш вагон в вакуумную трубу. Тогда он с легкостью достигнет скорости тысячи километров в час!

Корреспондент: Ну вот мы добрались и до трубы.

Толасов: Самое главное удобство трубы в том, что само транспортное средство — трубопровод, остается неподвижным. Передвигаются грузы.

Корреспондент: Постойте, постойте, а как же вы руду по трубе отправлять будете?

Толасов: В виде пульпы, в смеси с водой.

Корреспондент: Ведь это сколько же нужно воды?

Толасов: Не так много, как кажется. Есть такое чудо-вещество — пластификатор. Его добавляют сотни граммов на тонны материалов — и возрастает пластичность массы. Мы добились того, что для транспортировки угля по трубам требуется меньше 40% воды! К тому же вода не пропадает. Такая угольная пульпа — прекрасный заменитель жидкого топлива для тепловых электростанций. Смесь сразу впрыскивается в форсунки котлов и сгорает полностью, без потерь.

Корреспондент: Ну, а как быть с крупными грузами? Станок или ЭВМ в трубу ведь не засунешь?

Толасов: Во-первых, любой станок можно разобрать. Но я думаю, что если крупный груз в трубу не поместится, мы тогда обратимся к Юрию Дмитриевичу.

Соколов: Платформа на магнитной подвеске способна перевозить самые тяжелые и громоздкие грузы.

Корреспондент: Все, о чем вы говорили, хорошо только для обжитых мест. А какой транспорт будут использовать геологи, изыскатели, строители?

Соколов: Наземный «самолет», только уже не на магнитной, а на воздушной подушке. Его нельзя использовать в городах и населенных пунктах. Воздух, который под давлением нагнетается под дно такого самолета, поднимает тучи пыли. Зато он хорош в местах Крайнего Севера, в тундре.

Корреспондент: Трудно поверить в существование мира без колеса.

Соколов: А что вы думаете? Ведь транспорт на магнитной подвеске коренным образом изменит нашу жизнь. Он потребует и нового градостроительства. Человеку не обязательно будет жить и работать в одном месте. Путь из Ленинграда в Москву займет всего двадцать минут.

Корреспондент: Должно быть, ваш «самолет» — довольно сложная конструкция?

Соколов: Еще бы! В нем электроники больше, чем в настоящем воздушном лайнере. Кстати, именно электроника позволила создать такой транспорт только в наши дни. Сама идея довольно старая. Ее еще в 1913 году предложил профессор Томского университета Вайсберг. Но тогда не было возможностей создать систему управления.

Толасов: Вы когда-нибудь задумывались над тем, есть ли в природе колесо? Вся жизнь нашей планеты основана на трубах! Что такое кровеносная система любого организма, как не сеть трубопроводов. Сделайте срез любого растения, и вы увидите: все питательные соки в растениях перемещаются по тончайшим «трубопроводам». Загляните в жерло вулкана и вам станет ясно, что эта гигантская труба завершает собой разветвленный трубопровод, начало которого в неведомых земных недрах. Транспортировка веществ на нашей планете основана на трубах! А природа всегда вы-

бирает самый простой и рациональный путь.

Да что там транспорт, труба заменит со временем громоздкие линии электропередач, которые боятся оледенений и грозových разрядов.

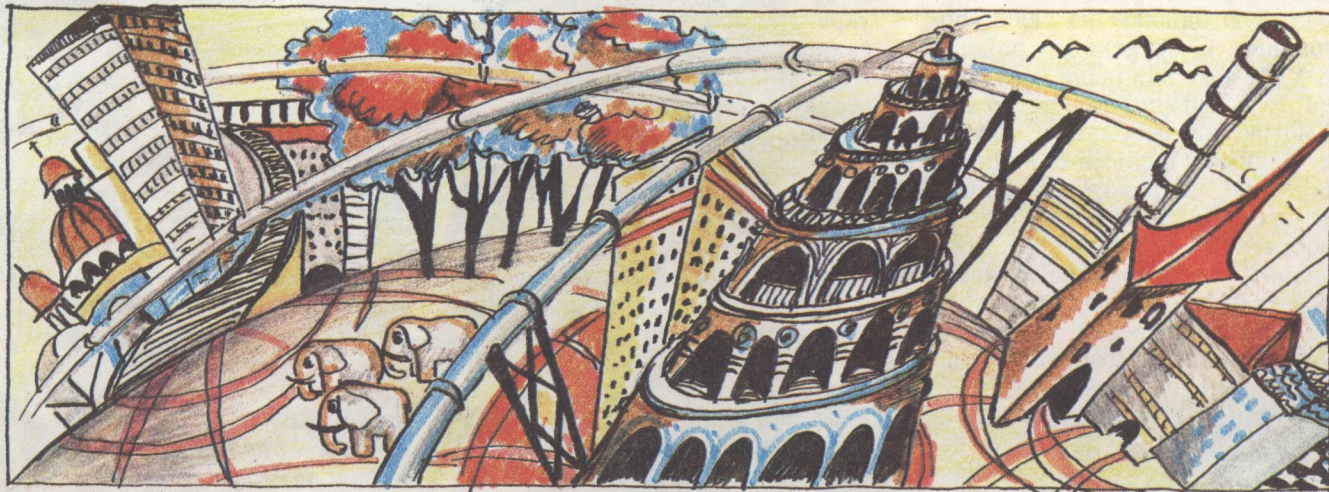
С каждым годом у трубы появляется все больше новых профессий: она и медик, и химик, и мелиоратор, и нефтяник, и геологоразведчик, и энергетик.

Многие из вас, ребята, занимаются в научных кружках, в домах технического творчества. Там вы собираете мини-тракторы, механизмы для уборки овощей, гоночные картинги, совершенствуете свои мопеды. Кто-то мастерит дома самокаты для малышей или вездеходы на дутых шинах для путешествий по лесным и заболоченным дорогам. Нам интересно узнать, что вам удалось сделать. Напишите, пришлите фотографии своих самоделок.

Но еще больше у вас интересных идей, фантастических замыслов. Наверняка вы пытаетесь представить, каким будет наше будущее. Нам очень интересно узнать, каким вы себе представляете транспорт XXI века. Нарисуйте машины, которые вы придумаете, опишите принципы их работы и материалы, из которых они будут изготовлены.

Будущие конструкторы, механики, изобретатели, мы ждем ваши проекты, изобретения и смелые научные предположения.

Рисунки Е. Наливкиной

У ДЕРЕВНИ ХОХЛОВКА

О. ФИЛИПЕНКО

СТОРОЖЕВАЯ БАШНЯ

Недалеко от Перми находится деревня Хохловка. В этой деревне, на красивом мысу, окруженном с трех сторон огромным водохранилищем, расположен музей деревянного зодчества Прикамья под открытым небом, единственный на Урале. В 1972 году перевезли сюда первый экспонат — «Сторожевую башню» из села Торговище Суксунского района. В XVII веке она была поставлена в деревянном острожке. Смотрю на небольшое, глухое с узкими щелями-бойницами строение. Дерево, поседевшее от времени. Построено оно — восьмерик на четверике. Это значит, что основание из четырех стен, а «второй этаж» — из восьми. Наверху — шатровая крыша с дозорной вышкой — смотрельней.

Строили острожки со сторожевыми башнями везде, где селились русские люди. Ходил часовой по смотрельне ночью и

днем, зорко вглядываясь вокруг, если замечал опасность — бил тревогу. Оружие и порох хранились тут же в башне. Врага встречали бьющие из всех бойниц ружья. Все мужчины поднимались на защиту своего дома.

Иду дальше. Прохожу овин, гумно, пермяцкую избу, церковь, ветряную мельницу, пожарную часть. В гору, под гору, неожиданно меняются точки видения. Необыкновенной красоты и аромата цветы вокруг, тишина. Спускаюсь к воде. Передо мной четыре, без окон, мрачных строения. Подошла экскурсия, и вот, что я узнала. Это солеварня. Перевезли ее из Соликамска. Город старинный, и название тоже, от слова соль.

Пять столетий добывали в этих местах поваренную соль-пермянку. Это была дорогая соль. Сначала трубочные мастера, а таких, очень почитаемых, было немного, по приметам, им одним ведомым, так как секреты своего ремесла они держали в строжайшей тайне, определяли место залегания под землей концентрированного соляного рассола. Скважину бурили от двух до пяти лет. Затем строили соляной ларь, накачивали и хранили там рассол. Этот прямоугольный сруб-чан укреплен, как бочка, обручами-сваями. Чтобы рассол не вытекал, проконопачивали ларь овечьей шерстью со смолами. Потом соль 24 часа выпаривали в солеварнице на огромной, подвешенной на цепях сковороде-цирене, площадью 100 м². Здесь же, в солеварнице, она сушилась на полатах.

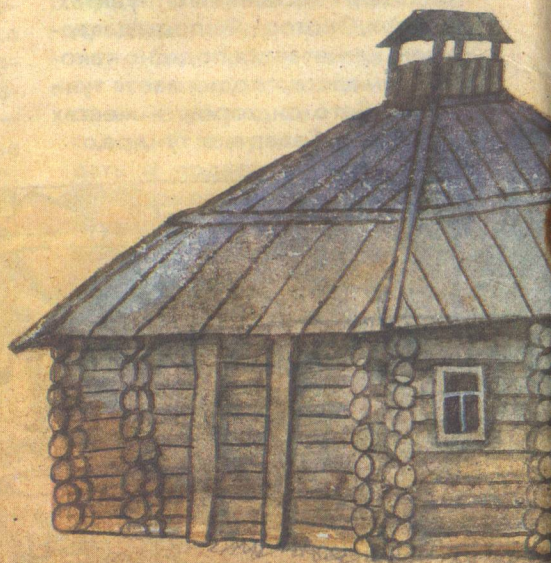
Готовая соль примерно год хранилась в амбаре, ждала большой воды и прибытия барж. Перетаскивали соль в амбар в рогожных мешках женщины-рогожницы. Мешки весили до трех пудов. Работали на этой непосильной грошовой ра-

боте с пятнадцати лет. Уши, шею разъедало солью, раны не заживали. Отсюда и пошла не такая уж смешная поговорка «Пермяки — солёны уши».

Подходили баржи, и около недели на берегу была толчея. Стекалось много купцов, приказчиков, нанимали почти за бесценок рабочих грузить соль на баржи. Везли ее в Нижний Новгород, Москву, до Риги и до Испании доходила пермячка. И по цене дорогая, и людям дорого стоила эта соль. Ларь до сих пор, как инеем, покрыт соляным налетом.

Поднимаюсь от солеварни по тропинке, люблюсь очень красивой церковью. Строились деревянные церкви лучшими мастерами. Внизу хранились запасы зерна и муки всего села и здесь же проходили сходки и праздники.

В церкви работают плотники-реставраторы. Непривычные для меня слова и понятия, означающие способы работы, такие, как «клиновидная форма кровли», «бочка», «причелина», «лемешинка», «кружала» или

СОЛЕВАРНЯ

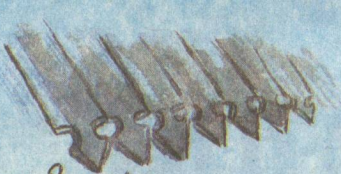

Солонка

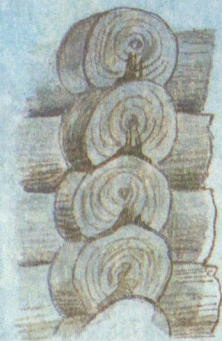
Лагун

Корчала

Зубчатое окончание — красный тес.

Рубка „в обло“ (чашкой вниз).

«журавцы», «обрешотка», «лемеховое покрытие», «зубчатое окончание», «красный тес», «кладка в лапу», «по потокам и курицам», стены рублены в «заплот» звучали, как знакомые красивые стихи. Все ли плотники сейчас знают эти слова, не говоря о других людях.

Вот, например, типичная коми-пермяцкая изба. Вхожу. Первая мысль — бедняги, как же они ютились здесь в одной, правда, большой комнате с маленькими оконцами, где топились по-черному. Но приглядевшись, не могу надивиться на

порядок и удобство во всем. Прямо над дверью широченные полаты, где все спали — вот вам и спальня. При входе голбец — вход в подполье. Под полатами подпорожье, с одной стороны мужская лавка, где хозяин работал и встречал гостей. Под прямым углом к ней долгая, или бабья лавка вдоль всей стены, тут и прями, и люльку качали. На противоположной стороне красная лавка для почетных гостей и стол.

Полатный брус отделяет полаты от красного угла. А красный угол от кухни разделяют пирожные брусья. На них ставились пироги и хлеб для остывания. Оказывается, не одна комната, а целых четыре — подпорожье, красный угол, кухня, печь.

Вся утварь — тарелки, корытца, подносы, красивые по форме, с нарезным орнаментом. У жбанов и кружек резные ручки, крышки, ложки, черпаки, ковши и солонки — в виде утки или другой птицы.

Шелом (ошлупень)

Слега у Коневая слега

у Кровля „по потокам и курицам“

Курица, её делали из корневниц, ели

СОЛЯНОЙ ЛАРЬ

Так и вижу: горит лучина, дети спят, взрослые заняты каждый своим делом. И не в тягость, а в радость были нашим предкам эти домашние, каждодневные дела. Потому что только с любовью можно было сделать такие красивые пояса и ткани, и вырезать из кости вилки. Все необходимые предметы для быта украшены народными художниками. Умными, смекалистыми, наделенными большим художническим талантом были наши предки.

Оформление автора

ИВАНОВ ЧЕРТЕЖ

Константин СЕРГИЕНКО

ПОВЕСТЬ

Рисунки А. Борисенко

Зеленая звезда

Полозья саней скрипели на морозе. Над Ивашкой тянулся белый раскидистый лес с черной небесной рекой посреди. В этой небесной реке зыбко блестели звезды.

Звезды стояли, а Ивашка ехал, накрывшись сермягой.

Зеленая звезда с неба опустилась к Ивашке в сани. В груди стало тепло, и он смежил веки.

Ивашка стал засыпать. Перед сном, как всегда, силился вспомнить отца да мать. Ивашка был сиротой, отца увела война, а матушку — голод. Спа-

сибо, нашлись добрые люди, приютили мальчика. Теперь, десяти лет от роду, Ивашка ехал в Москву ладить в жизни свой путь.

Сквозь некрепкий сон услышал крики, топот. Не успел проснуться, его ударило о передок, выбросило из саней.

Марьица

Очнулся Ивашка посреди дороги. Вокруг никого не было. Зеленая звезда опять унеслась в небо и молча смотрела на него из черной выси.

Ивашка потрогал затылок. Шапка с головы слетела, мороз схватил за уши. Зипун на Ивашке худой, обувка дырявая.

Ивашка встал. Снег на вековых деревьях голубел, сверкал холодными искрами. Красиво, да зябко.

Ивашка пошел по дороге. Саженой через сто задрожал, кинулся в бег. Согрелся; но ненадолго. Ноги подгибались, горело в груди. Ивашка сел в снег и приготовился замерзнуть.

Тут из лесу вышла девчонка. В белой шубке, в белой шапке и белых сапожках.

— Ты кто? — спросила она.

— Ивашка, — ответил он, стуча зубами.

— А я Марьица. Пойдем греться.

Книга

Ивашка попал к лесным разбоям. По-нынешнему сказать, разбойникам. А в те времена прозвание им было — шиши.

Шишей развелось много. Недовольный народ бежал в леса, собирался в ватаги, грабил бояр и царевых людей.

Ивашкин обоз вез снедь боярину. Рыбу, мясо, битую птицу. Шиши налетели и разметали обоз. Плохо пришлось бы Ивашке, кабы не Марьица.

Марьица привела Ивашку в землянку к Атаману. Чернобородый и черноглазый Атаман обрадовался, что Ивашка грамоте учен. Развернул тряпицу, вытащил книгу.

— Ты бы меня поучил. Страсть как хочу научиться читать. Эту книгу я у немца отбил. Она, брат, полкоровы стоит.

Ивашка раскрыл книгу. Побежали незнакомые буквы, замелькали невиданные картинки. Ивашка вздохнул.

— Книга и есть немецкая. Не по-нашему писана.

А в те времена немцами звали всех иноземных людей. Приедет иноземец в Москву, понятного слова молвить не может. Будто немой, одним словом, немец.

— Немецкая? — огорчился Атаман. — А ты не умеешь?

— Вот доберусь до Москвы, выучусь, — пообещал Ивашка.

И чернобородый Атаман подарил Ивашке мудреную книгу.

На боярском подворье

В Москве Ивашка оказался скоро.

Пограбленный боярин жаловался на шишей царю. Царь отрядил стрельцов, и те окружили лесных разбоев.

Одни шиши пали в бою, другие спрятались в лесу. Чернобородый Атаман одолел царского сотника и ускакал на его коне. Ивашку с Марьицей поймали и привезли в боярские хоромы.

— Шишата? — сказал боярин. — Я вам покажу, как с малых лет грабить. Высечь их!

Боярский служка с бельмом в глазу потащил малолеток во двор.

— Дяденька-милостивец, — попросил Ивашка. — Марьицу отпусти, она мне сестра.

— Я отпущу, а мне будет порка, — ответил служка.

— Я тебе книжку дам, — пообещал Ивашка. — Она полкоровы стоит.

Ивашка вынул из-за пазухи Атаманову книгу.

— Ишь-ты, — подивился служка, — вчера такую за рупь продавали.

А в те времена на московский рубль можно было купить избу. Вот как дорого стоила книга.

— Ладно, — сказал служка, — сгиньте отсель. Боярину донесу, что сбежали.

Так и выкатились Ивашка с Марьицей с боярского двора.

Пожар-площадь

Очутились Ивашка с Марьицей на шумной торговой площади. Сейчас она называется Красной, а тогда звалась Пожаром.

На площади не протолкнуться. Пирожники, коробейники, калашники, квасники, блинники. Продавцы скобяных, лубяных, тканых, кожевенных товаров. Покупатели, праздные люди. Нищие, калеки, бродяги. Каждый толкует свое, торгуется, в драку кидается, мирится. Крик, шум.

Плещут на площади краски. Алые, лазоревые, зеленые, желтые. Горит шитье на одежде, сверкают кольца, серьги, взблескивают меха. Кто побогаче, у того все напоказ. И оборванный нищелюб толкается, глазами зыркает, норовит прихватить, что плохо лежит.

Тут Лобное место, с какого царские указы кричат.

Тут высится собор Василия Блаженного с витыми, разномастными главами.

А Ивашка увидел вдруг боярского служку. Служка стоял в Книжном ряду и торговал Атаманову книгу. Большой человек в распахнутом красном кафтане взял за плечо служку и громко спросил:

— Где добыл эту книгу?

Служка испугался. Увидел Ивашку, закричал:

— Не моя! Его это книга!

— Твоя? — спросил большой человек.

— Моя! — храбро ответил Ивашка. — Буду по ней чужие реченья учить.

— Книга эта поважней, чем ты думаешь, — сказал большой человек. — Пошли-ка со мной.

— Без Марьицы я не могу, — ответил Ивашка.

Большой человек усмехнулся.

— А кто ж ее гонит?

Царевич Федор

Большой человек в красном кафтане был царским зодчим Федором Савельевым по прозвищу Конь. Знатный умелец. Много построек возвел в Москве. Царь Борис Годунов к зодчеству благоволил.

Зодчий Конь повел Ивашку с Марьицей во дворец.

В царской палате серебром да лазурью расписаны своды. Невиданные на них растения, звери. В белом персидском ковре утопает нога.

В парчовом кафтане, сафьяновых сапожках разгуливал по палатам малец Ивашкиных лет. Руки держал за спиной, как взрослый, а в руках серебряный колокольчик. То был сын царя Бориса Годунова — царевич Федор.

— Великий князь! — сказал Федору Конь. — Ивашка с Марьицей книгу тебе принесли. Давно мы такую искали. Тут есть чертежи московских земель, сделанные в иноземных краях. С великим умением рисованы. Да только стары, неточны. Пора свою карту ладить, чертежное дело постигать.

Царевич подошел к Ивашке.

— Где книгу взял?

— В дорожной переделке досталась, — храбро ответил Ивашка. — Кругом бой, свалка, я книгу за пазуху и бежать. Не в том дело, что полкоровы стоят, а страсть как люблю я книги.

— Грамоту знаешь?

— Знаю!

— Науки постигнуть хочешь?

— Хочу.

Федор Конь засмеялся.

— Вот нам и помощник нашелся. А Марьица пусть к царевне Ксении в светлицу идет. Будет рукодельничать.

Царевич тряхнул колокольцем и объявил:

— Дать человеку Ивашке одежду и стол! Послать в учение к нашему зодчему Федору Савельеву.

Ученье

Вместе с Конем ездил Ивашка по Московской земле. В Смоленске на его глазах строилась огромная крепость со множеством башен. В южных степных краях поднимались новые города. Так необъятна была страна, что казалось, нет ей конца и края.

Многим премудростям зодчества обучился Ивашка, но больше всего преуспел в умении рисовать и читать чертежи. Федор Конь строил, а Ивашка изображал на бумаге.

Учился Ивашка определять расстояния между селами, городами, изображать дороги, озера и реки. В те времена не было точных приборов, все приходилось определять на глаз, и глаз у людей был наметанный, верный.

Залезет, бывало, Ивашка на гору или башню, разложит свои бумаги и все в точности нарисует. Иной раз ни горы нет, ни башни, а Ивашке словно сверху все видно. На глаз версты и даже сажени верно говорит. Федор Конь дивился:

— У тебя глаз, что мерная бечева.

Присматривался и к жизни Ивашка. А жизнь была трудной. Надвигалось на страну лихолетье.

Великий голод, войны, пожары. Подступило время, которое назовут «смутным».

Ивашка взрослел, ума набирался.

Через три с половиной года крепкий отрок Ивашка явился в Москву.

В закатные страны

Царевич Федор тоже подрос. Подросла и его мечта о московской карте. Великий это труд, составить чертеж огромной земли! Давно уже шла к тому подготовка. Тысячи писцовых книг, дорожников, наблюдений скопилось в кремлевской Посольской избе. Собирались они без малого полтора года. Рисовались и карты, но все еще приблизительные, неточные.

Предстояло умелой, опытной рукой завершить многолетнюю работу.

— Поедешь на запад, в закатные страны,— сказал царевич Ивашке.— Прознаешь все, наукой тамашней овладеешь. Хочу, чтобы карта наша была не хуже франзейских да италийских. Вот тебе на то наша грамота. А еще жалован ты одеждой с моего плеча, да кошель с червонцами.

Царевич позвонил в колоколец, и тотчас явились слуги, протягивая дары. Отдельно стояла золотокосая отроковица в распашной алой шубке, держа на золотом подносе расшитый кошель.

— Не узнаешь? — спросил царевич Федор.

— Ты ль это, Марьица? — в изумлении спросил Ивашка.

— Сама вызвалась кошель тебе расшивать,— сказал Федор.

Поклонился Ивашка Марьице, и она поклонилась ему в ответ.

Довольный и гордый шел Ивашка кремлевскими переходами. На плечах богатая одежда, в руках тяжелый кошель. На красном бархате кошель золотая дробница, вокруг нее искусно вышитое растение, похожее на цветок Иван-да-Марья.

«Я изучаю небо...»

Минули годы.

По каменной брусчатке города Лейдена шагал юноша в черном голландском камзоле. На плечо ему опустился желтый кленовый лист, с неба упали дождевые капли. Была осень 1604 года.

Послышались крики, топот деревянных башмаков.

Из-за угла, хромя, выбежал человек. По лицу его текла кровь. Человек споткнулся и упал.

— Спасите меня, добрый юноша,— проговорил он еле слышно,— за мной гонятся.

Юноша схватил раненого под мышки и оттащил в подворотню, сам же вернулся на мостовую.

— Где он? — кричали подбежавшие люди.— Где безбожник? Костер для него готов!

— Он побежал туда.— Юноша показал в сторону от подворотни.

Преследователи кинулись вниз по улице.

Юноша помог беглецу добраться до канала, которыми славны голландские города, а там на

лодке привез в свое жилище. Здесь он перевязал ему раны, подставил под ноги торфяную грелку. Осенью сыро в голландских домах.

— Сам бог послал вас мне навстречу,— сказал спасенный,— я постигаю тайны звездного неба. Меня обвинили в ереси.

— Вам надо спрятаться,— сказал юноша.

— Костры горят везде,— устало ответил беглец.— Так же, как и в вашей Голландии.

— Но я не голландец,— ответил юноша,— я русский.

Жан — Иоанн — Юханнес

В Италии юношу звали Иоанном, во Франции Жаном, в голландской земле Юханнесом. А это был наш знакомец Ивашка. Теперь, правда, уж не Ивашка, а статный молодец Иван.

В Италии жарко, небо голубое, и у деревьев пиний розовые стволы. В Париже воздух по вечерам сиреневый, на берегах реки Сены квакают лягушки и мешают спать королю. В Голландии серое небо, белый песок, мельницы, дамбы, и пахнет рыбой в каждом трактире.

Иван скучал по русскому лесу, по травяному духу лугов и полей. По деревенской тягучей песне.

Он занимался прилежно. Учил языки, военное, строительное дело. Рисовал планы городов, освоил картографию. Скакал на лошади, стрелял в цель.

Европой владело время, когда человек создавал великие творения искусства, стремился постигнуть тайны природы. Время это потом назвали Возрождением.

Леонардо да Винчи мастерил крылья, чтоб человек мог летать, как птица. Николай Коперник доказывал, что Земля вращается вокруг Солнца. Джордано Бруно говорил о бесконечности мира. Томмазо Кампанелла придумал Город Солнца, где все были бы свободны и счастливы.

Но церковникам все это было не нужно. Открытия ученых мешали им держать народ в страхе и повиновении. Вот почему ученых винули в колдовстве, бросали в темницы. Многие поплатились жизнью за свое вольнодумство.

Тот, кого спас Иван, звал себя Астрономом и мечтал составить карту звездного неба.

Картографы

— Так ты русский! — говорил Астроном.— Я знаю Московию. Это огромная страна. Сейчас ей грозит несчастье. В Польше объявился человек, который называет себя царевичем Дмитрием. Он собирает войско, чтоб идти на Москву и объявить себя царем.

— Я должен скорей вернуться на родину,— сказал Иван.— Московской земле нужна карта.

— Я тоже картограф,— сказал Астроном.— Только я составляю карту звездного неба. Тебе же нужна только Московия. Зачем ты оказался в этих краях?

— Я учился,— ответил Иван.— Я собирал все карты Московии, сделанные в этих краях.

Астроном задумался.

— В польских краях я видел ученого, который занимался картой Московии. Он умер, после него остались какие-то бумаги. Тебе все равно ехать через Краков. Я дам письмо к одному человеку. Возможно, это поможет тебе. Чем я могу еще оплатить за свое спасение?

— Лучшая плата видеть тебя живым,— сказал Иван.

Они простились и пожелали друг другу успеха.

Возвращение

В недобрый час возвращался Иван на московскую землю.

Он побывал в Кракове, видел еще одну карту своей родины, сделанную рукой чужеземца. Узнанного накопилось так много, что слитный облик Московии сложился у Ивана в голове.

Глаза же видели обратное. Страна распадалась на части. С юга ее терзали орды крымского хана, с севера собирались с силою шведы.

С запада во главе наемного войска наступал самозванец.

Была весна, пора радостей и надежд. Но несла она горе и смерть. Прилетали аисты, видели обгорелые трубы и не вили гнезд, улетали неизвестно куда. Поля стояли неспаханые. Волки бродили стаями по пустым деревням. Вороны несметными тучами застили солнце.

В Чернигове Ивану сказали, что Борис Годунов неожиданно умер, и царем теперь молодой сын его Федор.

Иван пришпорил коня, на душе его было тревожно. Польские шляхтичи во главе с самозванцем стояли под Москвой.

Ивана останавливали на каждом шагу. То царские стрельцы, не знавшие, за кого воевать, то наемники самозванца, то просто разбойники. Но, видно, удача ему сопутствовала, до Москвы добрался благополучно.

Когда въехал в город, яростно звонили колокола.

— Годуновых поубивали. И Федора-сыночка, и матушку его. Царь Дмитрий над нами будет,— говорили в толпе.

«Спасай наше дело!»

Иван кинулся искать Федора Коня.

Царский зодчий, седобородый уже старик, был болен. Однако обрадовался Ивану.

— Славно, что ты приехал. Беги в Кремль, спасай наше дело. Там сумятица, может, успеешь взять чертежи. А то пропадут. Неизвестно, что за птица будет на троне. Говорят, это вовсе не царевич Дмитрий, а беглый монах Гришка Отрепьев.

Иван вскочил на коня.

В Кремле готовились к встрече нового царя. Пылали факелы, сновали польские гусары, ливонские копейщики, московские стрельцы. Блестели латы, звенело оружие, качались перья на шапках. Звучала нерусская речь.

Иван притворился иноземцем. Одежда на нем была голландская, на сапогах невиданные в московской земле шпоры.

Его отвели к капитану наемников.

— Я послан от царя за чертежами Москвы,— сказал Иван по-немецки.

— Какие еще чертежи? — удивился капитан.— Неужели в этой дикой стране есть какие-то чертежи?

— Царь желает изучить город, прежде чем в него въехать,— пояснил Иван.— А чертежи хранятся в Посольской избе.

Капитан шевельнул усами и махнул рукой.

— По мне, забирайте хоть всю избу.

Иван нагрузил большую суму самыми необходимыми бумагами и спешно покинул Кремль.

Он ехал по улице Варварке к дому зодчего. Тут, как и в Лейдене, ему снова довелось выручить человека.

Свистя и улюлюкая, гнались за девушкой двое наемников. Иван преградил им путь. Вытащил из-за пояса пистолет и выстрелил. Один из преследователей упал. Другой кинулся бежать.

Иван подхватил девушку и ускакал. У Варварских ворот взгляделся в ее лицо. Оно показалось ему знакомым.

— Кошель-то не потерял? — спросила девушка, улыбаясь.

Это была Марьяца.

Неладные времена

Марьяца привела Ивана к Пожарским.

Княгиня Пожарская служила при дворе верховой боярыней. Там и заметила Марьяцу, полюбила ее, а когда умер царь Борис и погиб молодой Федор, взяла ее к себе в дом.

Из всех Годуновых уцелела лишь царевна Ксения. Ее заточили в далекий северный монастырь.

— До чего пригожа наша царевна! — говорила княгиня.— И мастерица, каких нет. Марьяцу

вышивать научила. Разбил ей жизнь злодей-самозванец. Да недолго ему на Москве сидеть.

Иван все лето и зиму трудился над картой. В доме Пожарских его приняли и полюбили. Князь Дмитрий Михайлович ростом невысок, но крепок, с глазом острым, речью живой. Ученость он уважал, сам многое знал, покупал книги. До Иванова дела был любопытен, расспрашивал:

— А это что, с конской головой сходное?

— Лапландский край,— отвечал Иван.

— А это?

— То море Каспиум. Оно мало обхожено, и очерк, боюсь, неправильный.

— Велика же наша земля,— дивился Пожарский,— ей бы мир да покой.

Но покоя и мира не было. Самозванец привел в Москву иноземных людей. Воины его бесчинствовали, задирали московский люд.

Ударила в набат Москва, скинула ложного царя, прогнала вон шляхту.

С помощью бояр престол занял хитрый князь Шуйский. Народ его не любил, звал Шубником. И Шуйский поцарствовал недолго. Москва гудела, грозилась побить бояр. Те испугались и кинулись за помощью к польскому королю Сигизмунду.

Лихие, неладные времена! Править страной некому, в Кремле иноземцы сидят, кругом разруха, голод, пожары... Куда же влечет тебя, Русь?

Князь Пожарский со всем домом покинул Москву и перебрался в родовое селенье под Нижний Новгород. Тут замыслил он великое дело...

Встреча

Безрадостным и тусклым выдался март 1611 года. На улицах жгли костры — грелись прохожие. Маленькое холодное солнце не давало тепла. В народе поговаривали, что быть снова неурожаю.

По Москве шли два человека. Одеты были неброско, говорили вполголоса.

— Здесь улицу перегородить и пушку поставить.

— С пушками беда. Иноземцы все в Кремль свезли.

— В Пушкарском дворе наши две пушки припрятали.

Один был высок, широкоплеч, другой крепок, но ростом пониже. Поговорили, разошлись в разные стороны. Высокий отправился к Китай-городу.

Навстречу ему шел иноземец в распахнутой шубе. Остановился, удивленно воскликнул:

— Ты ли это, Юханнес!

Иван удивился тоже, в иноземце он узнал Астронома.

— Как ты здесь оказался?

— Я ведь люблю путешествовать,— ответил Астроном,— давно мечтал попасть в Москву.

— Неладное выбрал ты время,— сказал Иван.— Как твоя звездная карта?

— Почти готова. А твоя? Мой товарищ открыл мастерскую печати. Там можно напечатать любую карту. Твою, например.

— Хорошо бы! — Иван обрадовался. — Я изготовил два чертежа. Думал отправить в Европу. В нашей стране разоренье, не до печати.

— Я отвезу твои чертежи, — пообещал Астроном. — И тем отблагодарю тебя за то, что ты спас мне жизнь.

— Быстрее уезжай, — сказал Иван. — В Москве будет жарко.

— Как же печатать карту? — спросил Астроном. — Под твоим именем?

Иван подумал.

— Нет. Лучше упомянуть царевича Федора. Это он начал труд, но погиб. Пусть будет память о нем.

Они пожали друг другу руки.

В конце дня Иван снова встретился с невысоким спутником. Тот шел с разгоряченным лицом.

— Легко ходишь, — сказал Иван. — Как бы не остановили. Издалека видно, что ты князь Пожарский.

— Устал хорониться, — ответил князь. — Воли хочу.

Восстание

Грянул набат, вперевой забухали пушки. На Москве поднялось восстание.

Князь Пожарский вместе с Иваном бился на Сретенке. Восставшие перегородили улицу мешками с песком, бревнами, опрокинутыми повозками. Спешно воздвигали острожек — малую деревянную крепость с бойницами.

Поляки решили поджечь город.

Струдом занималась деревянная Москва. Бревна в холодную зиму заledenели. Факельщики зажигали каждую избу по нескольку раз.

И пожар разгулялся. Он сметал укрепления. Восставшие отступали. За пламенем шли наемники, добывая раненых.

Пожар докатился до Сретенки. Вспыхнула деревянная крепость. Иван бился саблей с двумя наемниками. В красных отблесках огня он увидел, как на Пожарского напали. Князь был ранен, еле держался на ногах.

Иван кинулся на помощь. Сумел одолеть одного неприятельского вояку, другого настиг клинок Пожарского. Лицо князя было залито кровью.

— Полк королевский подходит, — проговорил он и рухнул в снег.

Удалось сыскать сани и увезти князя. За городскими воротами Пожарский очнулся и, глядя на багровое зарево, охватившее город, сказал:

— Мы еще вернемся. Русским жить на Москве.

«Расколоть Московскую землю никому не под силу»

Наступило лето 1612 года. Сошлись к Москве ополченцы из многих русских городов: Ярославля, Рязани, Смоленска, Суздаля, Переяславля, Казани и Нижнего Новгорода. Вели ополченцев князь Дмитрий Пожарский и нижегородец Кузьма Минин.

К засевающим в Кремле наемникам спешила армия польского короля Сигизмунда. Два войска сошлись у стен Москвы.

Сияло августовское солнце. Жарко блестели латы. Белые клубы пушечных выстрелов вспухали на зеленых полях. Сшибались конные сотни и пропадали в тучах пыли. Звенели клинки, храпели кони, кричали воины.

Два дня длилось сражение. На третий день русские стали одолевать.

Иван командовал стрельцами. В Замоскворечье стрельцам удалось опрокинуть большой отряд королевской пехоты. Тут он увидел Марьицу. Вместе с другими женщинами она принесла раненым воды.

— Кошель-то не потерял? — крикнула она весело.

— Тут он! — Иван ткнул в железный нагрудник. Под ним на шнуре крученого шелка прятался Марьин подарок.

Польский гетман Ходкевич послал в бой последние роты. На помощь Замоскворечью кинулись полки Минина и Пожарского. Яростная схватка кипела у Серпуховских ворот.

Иван пробивался к шатру польского командира, который был окружен двойным рядом повозок. Из-за них торчали копыя и мушкеты наемников.

Внезапно из кольца повозок вырвался человек и, размахивая руками, кинулся навстречу Ивану.

— Юханнес! — кричал человек. — Это я! Это я! Иван узнал Астронома.

— Они держали меня в плену! — кричал Астроном.

В это время один из наемников выхватил пистолет и выстрелил в Ивана. Иван упал.

В глазах потемнело. Сделалось легко, и показалось Ивану, что он летит. Все выше и выше. Сначала он ничего не видел, а потом загорелась звезда. Зеленая, ясная. «Здравствуй, Иван, сказала она. — Вот ты и попал ко мне в гости. Глянь же вниз». Вся русская земля раскинулась перед взором Ивана. Вон город Москва, вон река Волга. Вон Черное море, вон Белое, а вон Уральский хре-

бет. «До чего же карта моя неверная, — ужаснулся Иван. — Все я неправильно изобразил. Да как же теперь переделать? Я, кажется, умер». «Нет, — засмеялась звезда. — Поживи еще. Карту поправь, отечеству послужи. А я за тобой приглядывать буду».

Иван открыл глаза. Над ним хлопотала Марьица. Рядом стояли князь Пожарский и Астроном.

— Повезло тебе, — сказал князь. — Пуля пробила нагрудник, да в дробницу, которой кошель украшен, попала. Спас тебя Марьин подарок.

— А я тебе карту привез, — сказал Астроном. — Меня из-за нее и схватили, хотели ее отобрать.

Астроном развернул перед Иваном бумажный свиток.

Оседало медное солнце, веяли дымы пожаров. Гремели еще выстрелы, бурая пыль вздымалась столбом над уходящим вражеским войском. Сбежавшие стрельцы разглядывали ладно отпечатанный чертеж московской земли.

— Это еще править надо, — пробормотал Иван.

— Конечно, — сказал Астроном. — Затем и привез. Это ведь пробный оттиск.

— В памятный день видим мы все государство наше, — сказал князь Пожарский. — Много будет еще раздора, войн да смуты. Но расколоть московскую землю никому не под силу. О том и чертеж говорит.

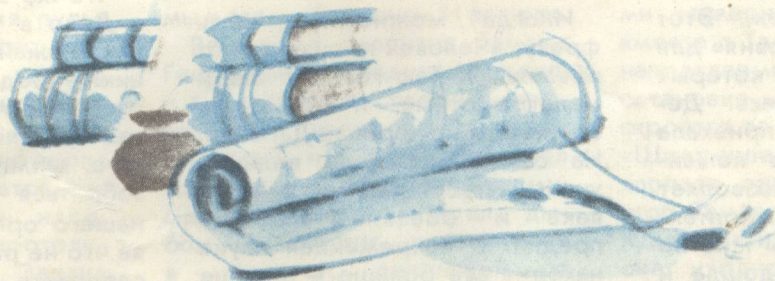
Закатное солнце бросало теплый свет на карту московской земли.

Еще через год исправленная и дополненная карта была отпечатана в парижской типографии. Как и просил Иван, на ней поставили надпись: «По чертежу Федора Борисовича».

А настоящее имя того, кто составил карту, потерялось. Оттого и назван он в нашем рассказе просто Иваном.

Конечно, и на Ивановом чертеже кое-что покажется нам незнакомым. Хотя бы очерк Каспийского моря или изгибы рек. Но мы уже говорили, что в те времена все мерялось на глаз, рисовалось по памяти. И можно только дивиться, что человек словно из далекого поднебесья, словно от зеленой звезды мог взглянуть на свою землю.

КОНЕЦ

КАК МЫ БЫЛИ В ГОСТЯХ У... «РОДСТВЕННИКОВ»

«Ах, вы не уходите?!...» Эля взмахнула длинной черной лапой, мы отскочили, но горсть песка угодила-таки в фотокамеру, куда и метила раздосадованная обезьяна. А сама Эля — здоровенная шимпанзе — сделал «черное дело», удовлетворенно поплелась от нас прочь.

— Как не стыдно, Элеонора! — сконфуженно вскрикнула Тамара Георгиевна. — Люди в гости пришли, а ты...

Та даже не обернулась: «тоже мне, люди...»

Суждение Эли на наш счет было искренним. «Люди» — это Тамара Георгиевна Кузнецова, Валерий Иванович Сыринский — словом, те, с кем обезьяны дружили и работали. Ну, а мы — только помеха и дружбе, и работе.

Сильва — а она старше и мудрее Эли и многое выдвигала на своем веку — рассудила по-своему. Услышав слово «гости», протянула лапу: «пришли — угощайте!» Рядом мгновенно появились еще две ладошки Малыша и Гаммы: «И мне!», «И мне!». Тогда, чтоб обстановка располагала к контактам, Тамара Георгиевна организовала чаепитие. Принесли ведро чая и мы выдали по кружке в каждую протянутую лапу. Хозяйка принялись пить, что называется, взахлеб, забыв о посторонних.

Итак, мы в гостях у шимпанзе. И не в зоопарке, где обычно содержатся привезенные из далеких джунглей обезьяны, а прямо у них дома, в Колтушах под Ленинградом. Этот адрес — «родная деревня» для восьми шимпанзе, из которых пятеро родились здесь. Девятая — Эля. Она приехала из Ростова-на-Дону в командировку, и оттого позволяет себе некоторую разболтанность: чуть что — «вы мне не указ!» Вот опять: подошла и отобрала у Малыша кружку. Но тот в обиду себя не дает. Как-никак, а он Тарасович!

О Тарасе многие из вас, наверняка, слышали. А кто-то и видел фильм «Обезьяний остров», где рассказывалось, как проходил эксперимент ленинградских ученых по акклиматизации в наших, умеренных широтах группы молодых шимпанзе. Тарас запомнился больше всех — уж больно смывленный, симпатичный, общительный. Так вот Малыш — младший сын Тараса. А еще — Бой, Чингис, Лель. Леля, правда, на чаепитии почему-то нет. Уж не болен ли?..

Ах вот оно что! Оказывается, он помогает своей матери Чите нянчить крошечную Альфу. Она родилась в январе, и пока что содержится в закрытом помещении. Альфа — внучка Тараса и первая «девочка» в семье.

Семейство шимпанзе — главная гордость ученых, проводивших эксперимент. Ведь это самое северное семейство человекообразных обезьян на планете. Каждое лето стадо отправляется в лес, на волю — под Псков или на Карельский перешеек. Знали бы их сородичи из экваториальных джунглей, какие вкусные ягоды, почки, орехи, травы есть в здешних лесах. А какое солнце ласковое! Вот только в этом году экспедиция все откладывает и откладывает из-за каких-то «людских» дел. Заждались обезьяны.

МАНИФЕСТАЦИЯ

Иногда можно услышать фразу: «Человек произошел от обезьяны». Так говорят люди малограмотные, и при этом ссылаются на Чарльза Дарвина. На самом же деле великий ученый утверждал, что у человека и обезьяны — общие предки. И современная наука находит все больше и больше подтверждений этому. Во всяком случае, сегодня человекообразные обезьяны — а

названы они так не случайно — самые близкие наши родственники на Земле. И больше других человекообразных — шимпанзе.

Люди, имена которых я назвала, и которых очень любят наши колтушские шимпанзе, ученые-медики. Каждый день кто-нибудь из них произносит: «Чингис, пошли работать!» Впрочем, обратиться могут и к любой другой обезьяне, или сразу к двум. Какая поднимается суматоха! Тот, кого пригласили «работать», непременно делает пару стремительных витков по вольеру, взлетая под потолок. Так он показывает, насколько он всех превзошел, как высок именно его авторитет в глазах людей, как высоко к нему доверие. А потом вприпрыжку летит в лабораторию, где установлены приборы и стенды. Работать — всегда удовольствие!

Что же это за работа?

Дело в том, что шимпанзе, как ближайшие наши родственники, представляют для науки особый интерес: это как бы живая модель человека. Больше того, шимпанзе помогают разобраться в таких секретах нашего организма, в каких ни за что не разобраться, если исследовать самого человека. Вот пример.

Если тебе предложить «на глазок» определить, каких

предметов на столе больше — красных или черных, — ты в первую минуту просто растеряешься. Во вторую тоже — это уже проверено. А все потому, что люди поневоле начинают считать предметы, то есть пускают в ход знания и приемы, которые заложены в их мозг не природой, а цивилизацией. А вот обезьяна справляется с такой задачей запросто. Ее мозг не загружен «лишним умением», он «чист», а значит, легче изучать механизм его деятельности.

Чингис садится на стул рядом с Тamarой Георгиевной и смиренно перебирает пирамидку-игрушку, пока к его телу и голове прикрепляют специальные датчики. Во время эксперимента чуткая аппаратура будет регистрировать поведение организма. Начали!

Перед шимпанзе — большой стол, разделенный на части невысокими перегородками: получилось что-то вроде четырех загонов. В одном из загонов лежит апельсин. С помощью кнопок можно убрать преграды на его пути, и подкатить апельсин к себе. Вот только надо сообразить, какие кнопки нажимать. Да еще — одновременно! — сумеет полочее подкатить апельсин палкой, которую Чингис держит во второй руке. Задача... Называется этот хитрый стол «лабиринт». Да, мы забыли сказать главное: между ярким, сочным, сладким апельсином и обезьяной — прозрачная стенка.

Как старается Чингис! Подогнал плод к одному из барьерчиков, соображает: какую кнопку нажать, чтоб именно этот барьерчик поднялся. Смотрим на графическое изображение поведения пульса Чингиса. Ритм заметно снижен — так бывает всегда, когда обезьяна испытывает «умственные трудности». Но вот Чингис нажал нужную кнопку: вперед! Пульс бьется отчаянно: удача! Теперь надо, не отпуская кнопку, протолкнуть апельсин палкой. Задача почти такая же, какую выполняет пианист, когда, не прекращая игру, успевает перевер-

нуть нотную страницу. Есть! Но теперь апельсин попал в другой загон. Как действовать дальше? Да... работенка!

Думаете, шимпанзе стараются ради апельсина? В том-то и дело, что нет. Апельсины они и «даром» получают. Дело именно в совместной работе с людьми. Если сегодня работал Чингис, то до следующего утра он будет чувствовать себя преисполненным гордости, и никому не позволит эту гордость замутить. Сегодня он — самый-самый! Кстати, мы в этом убедились. И вот как.

Во время чаепития Тамара Георгиевна погладила Малыша, и тут раздался страшный грохот. Это Чингис, взобравшись на будку, изо всех сил топал по крыше и тряс ее руками. Шерсть на плечах встала дыбом, и Чингис превратился в мохнатый, дрожащий от гнева шар. Вот-вот выдернет крышу с корнем. Это была сцена ревности: он, только он

достоин сегодня добрых слов! Воздух сотрясало грозное «У! У! У!», Чингис досадливо вертелся, как волчок, и опять терзал крышу будки. Признаюсь, нам стало страшно. Во время этой дикой пляски Чингис вдвое увеличился в размерах. Стадо затаилось, вжав головы в плечи.

— Это манифестация! — прокричала Тамара Георгиевна мне в ухо. Вот как отстаивают шимпанзе свое первенство за доверие любимого человека.

...День клонился к вечеру. Мы прощаемся с удивительными «северными шимпанзе» и вместе с Тamarой Георгиевной направляемся к автобусной остановке. Секунда — и скроется за поворотом вольер. «Шлеп-шлеп!» — это Лелик хлопает призывно в ладоши, чтоб Тамара Георгиевна обернулась на прощанье: ну зачем она уходит куда-то каждый вечер!

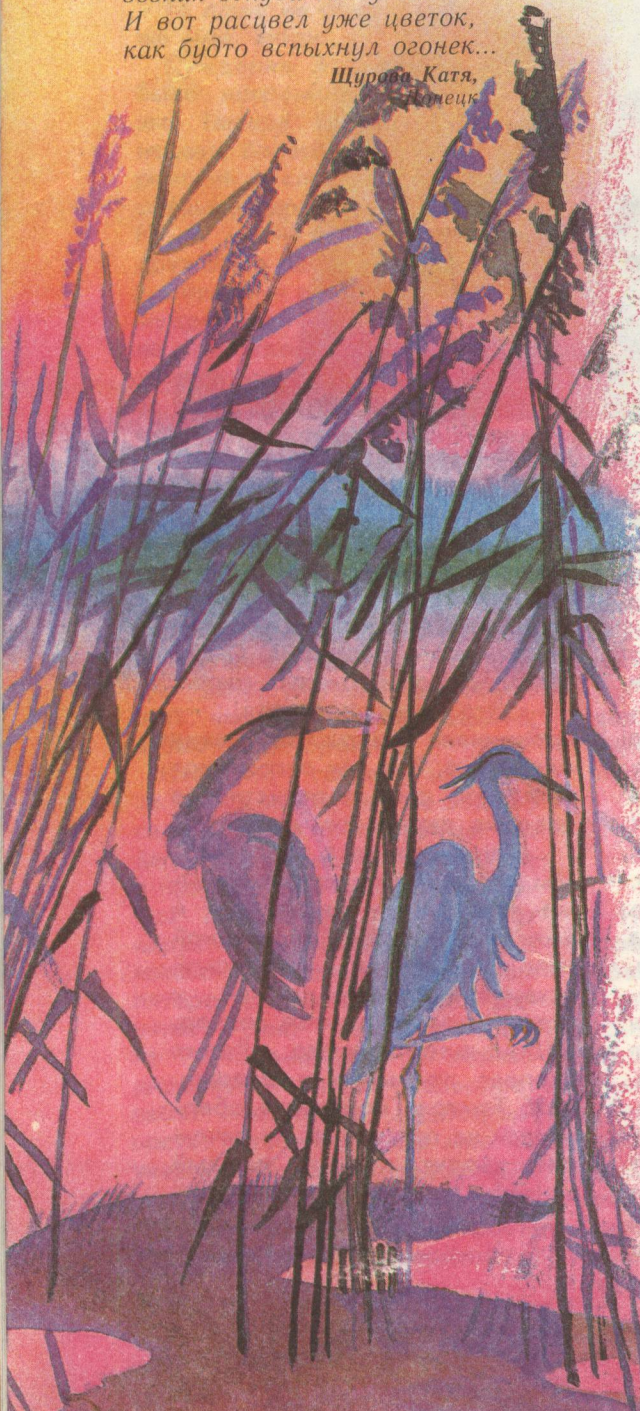
Т. ОРЛОВСКАЯ
Фото В. Терешкина

ЧУДО

У фокусника — фокус в рукаве.
А присмотришь к цветку, к траве...
Росточек рос и вырос,
и почка появилась.
Листок зеленый, а потом
возник откуда-то бутон.
И вот расцвел уже цветок,
как будто вспыхнул огонек...

Щурова Катя,
11 лет

...И ПТИЦЫ И САМОЛЕТЫ

Летела весной с юга стая гусей. На высоте 7 тысяч метров с ними столкнулся самолет. Птицы пробили лобовое стекло, самолету пришлось идти на аварийное снижение... О том, сколько хлопот доставляют авиаторам птицы, рассказал Борис Васильевич Зонтов — инженер по авиационной орнитологии Ленинградского аэропорта «Пулково». Теперь такие специалисты есть в одиннадцати аэропортах нашей страны. Ведь самые частые столкновения — на высоте до 200—300 метров как раз на взлете и посадке самолетов. На пути сезонных перелетов, которые проходят вдоль Финского залива, — расположен Ленинградский аэропорт. Как сделать безопасными полеты самолетов и уберечь птиц? Над этим думают орнитологи и авиаторы.

Ученые предложили использовать для отпугивания птиц голоса самих птиц. Сделали магнитофонные записи сигналов бедствия многих птиц, криков страха, которые они издают при виде атакующего врага. Подача таких сигналов вызывает у птиц панику и бегство. А еще придумали! Выращивать специально пернатых хищников. При больших скоплениях птиц «на работу» выпускают и ястребов-тетеревятников, они отпугивают птиц от взлетных полос.

Так кто же хозяева в небе — птицы или самолеты? И птицы, и самолеты. Чтобы так было, чтобы всем хватило места — над этим работают ученые во многих странах.

УГОЛОК ЮННАТА

Сомов Андрей из Гатчины спрашивает: «Как сажать семена тыквы? Как тыкву вырастить?»

Тыкву можно вырастить и в комнате — есть такие декоративные сорта, — можно и в огороде. Есть сорта тыквы, которые выращивают даже за Полярным кругом, а есть сорта — южные, у которых плоды весят до 100 килограммов. Но вообще-то тыква любит тепло и солнце. Поэтому в грунт семена или рассаду высевают в начале июня, когда можно не бояться ночных заморозков.

Перед посевом семена протравливают слабым раствором марганцовки, а затем намачивают. Можно провести закаливание. Несколько суток семена держат попеременно то при температуре 0°+2° — по 18 часов, то при комнатной температуре — 6 часов. Затем подсушенные семена высевают в лунки на глубину 5 см. Расстояние между лунками не меньше метра. На ночь тыкву укрывают пленкой. Поливают, рыхлят, пропалывают, подкармливают. Когда начнут развиваться плети, их нужно расправить и присыпать влажной землей. В этих местах стебель даст придаточные корешки, и тыква получит дополнительное питание из почвы. Чтобы плоды, лежащие на земле, не портились, под них нужно подстелить солому или фанеру.

СОВЕТЫ «РОБИНЗОНАМ»

Я вожатая в 3-б классе. Мой подшефный отряд участвует во многих делах, а летом мы пойдем в поход, будем жить в лесу. Мы заранее готовимся, уже и название себе придумали — «робинзоны». Пожалуйста, расскажите о полезных растениях леса.

*Беруга Валя,
Витебск*

Ваш спутник — подорожник

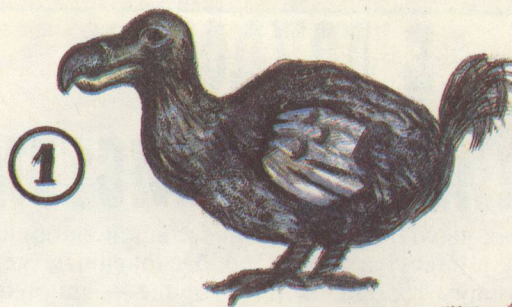
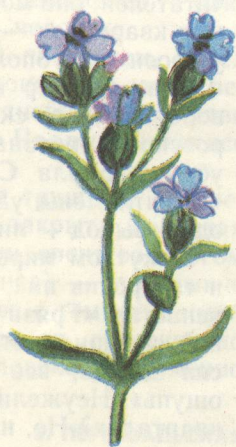
С давних времен всем, кто в пути, известно это растение — подорожник. Он растет вдоль любой тропы, любой дороги. Люди пользуются им как лекарством. Если вы порезали палец или ногу, приложите к ранке промытый лист подорожника — он остановит кровь, и рана быстро заживет. Если ужалила пчела, сразу разомните в руках такой же лист, кашлицу приложите к месту укуса, — подорожник предупредит появление сильной опухоли.

Пижма против комаров

Избавиться от назойливых комаров и мошкары в лесу вам поможет трава пижмы. Иногда ее еще зовут дикой рябинкой за сходство с листьями рябины. Цветочные корзинки пижмы похожи на маленькие желтые пуговицы. По дороге в лес сорвите несколько веточек пижмы и разотрите их в руках. Этой травяной массой смажьте лицо, шею, руки. Насекомые будут только виться над вами, а кусать не будут. За день можно натереться пижмой несколько раз, а вечером вымойтесь с мылом.

Лесной барометр

Растет на лугах и в лесу растение — дрема. Ясным солнечным днем она спит, как будто увяла, и только к вечеру раскрывается, поэтому и прозвали так — дрема, или еще — горчица, за то, что в сумерках ее цветки горят как звездочки. Но если дрема проснулась днем, значит — жди дождь. Дрема точно чувствует увеличение влажности в воздухе и раскрывает свои цветки. Перед дождем она и пахнет сильнее. Любит дрема сырую погоду и, как барометр, предсказывает дождь.

НАЗОВИ ЭТИХ ЖИВОТНЫХ

Каждый год 5 июня люди всей земли отмечают Всемирный день охраны окружающей среды. Животных, которых ты видишь на рисунках, уже давно нет в природе. В их исчезновении виноваты сами люди. Эти животные — напоминают всем, что природа нуждается в защите.

1. Эта птица не летала, на земле сооружала гнезда, ее называли «глупой» за то, что не могла убежать от человека. Селилась она на островах Индийского океана неподалеку от Мадагаскара. Последняя птица погибла в 1681 году.

2. Этот красивый и мощный зверь был истреблен к 1627 году. Населял Европу, Малую Азию, Северную Африку.

3. Огромные стада этих животных некогда паслись на равнинах Южной Африки. Их истребили буры, голландские переселенцы. Кожа животных шла на изготовление бурдюков для зерна, мясо в пищу.

4. Их погубило вкусное мясо. Последняя птица погибла в зоопарке города Цинциннати в США в 1914 году.

Оформление Т. Панкевич

В ЛОНДОН С ОЛИВЕРОМ ТВИСТОМ

Мальчик выходит из ворот небольшой фабрики, где делают ваксу, и бежит по бесконечным улицам огромного города. В этом городе — широкие площади и богатые дворцы, музеи и библиотеки, но сейчас его путь лежит не здесь: он идет по кривым узким улочкам, где в обветшалых домах ютится беднота. Это не просто бедные кварталы, это трущобы.

Именно в этой части Лондона прошли юные годы будущего писателя Чарльза Диккенса. Впоследствии на страницах его книг возникнут полуразрушенные строения, изжелта-бледные лица детей, играющих в грязи, темные личности, снующие по шатким лестницам и темным переходам, смрадный воздух...

Но книги появятся потом, а пока юный Чарльз по десять часов в день приклеивает этикетки на баночки с ваксой. Утомительное, тупое занятие. Но куда спешит он сейчас? В долговую тюрьму Маршалси! Там за неуплату долгов сидит сейчас его отец, там же и мать, младшие братья и сестры.

Неизвестно, как бы сложилась судьба Чарльза Диккенса, но отец получил вдруг небольшое наследство, сумел выплатить долги и выйти на свободу. Чарльз стал умолять родителей послать его в школу — очень хотелось учиться — и родители в конце концов согласились, хотя те несколько шиллингов, которые он зарабатывал на фабрике, были совсем не лишними в хозяйстве.

Продолжить учение после школы Чарльзу не удалось — о том, чтобы поступить в университет, не могло быть и речи, надо было зарабатывать на хлеб, искать ремесло. Чарльз решил изучать стенографию и вскоре овладел ею в совершенстве. Теперь он мог стать репортером и сотрудничать в газетах. Так Диккенс окунулся в самую гущу политических событий: Одновременно он начал писать рассказы и выпустил книгу: веселые и занимательные «Записки Пиквикского клуба». Ярко и радостно светило солнце на ее страницах, освещая приключения добрых чудаков — мистера Пиквика и его друзей.

Но разве забыл ныне преуспевающий репортер Чарльз Диккенс о своем нищем безрадостном детстве, о долговой тюрьме, о мальчишках, товарищах по фабрике, об обитателях лондонских трущоб? Нет, не забыл. И доказательство тому — его следующая книга, озаглавленная: «Оливер Твист».

Толчком к написанию этого романа послужило еще вот какое событие. В 1834 году в Англии был принят специальный закон о бедных. С этого дня просить подаяния, не иметь крыши над головой, просто быть нищим власти запретили — за это сажали в тюрьму. Раньше о бедных заботился церковный приход, это обычно сводилось к тому, что бедняков подкармливали. Теперь же по новому закону безработных и обнищавших

людей направляли в работные дома, там они были обязаны жить, и за скудное питание выполнять любую работу, даже самую тяжелую и черную. Были предусмотрены пункты, по которым детей разлучали с родителями, а жен с мужьями. Это были самые настоящие тюрьмы, только людей сажали сюда не за провинности и не за преступления, а за то, что они — бедняки.

В этом-то «раю из кирпича и извести» и родился герой романа Диккенса — Оливер Твист, здесь же он провел первые девять лет своей жизни. Может быть, Оливер так и остался бы в этом «раю» навсегда, если бы в один прекрасный день он не протянул повару свою пустую миску со словами: «Простите, сэр, я хочу добавки». За такую неслыханную дерзость маленького «бунтовщика» бросили в темную комнату, «где на грубой жесткой кровати он рыдал, пока не заснул, какая превосходная иллюстрация к милостивым законам Англии! Они разрешают беднякам спать!» — саркастически пишет Диккенс.

Девятилетний Оливер на своей шкуре испытал, что значит на практике этот новый закон о бедных. Вот, не стерпев издевательств «в учении» у гробовщика, мальчик убегает в Лондон; путь неблизкий, 70 миль. По дороге попадаются деревни, постоянные дворы, но маленький оборванец боится попросить даже корку хлеба — он отлично знает, что за попрошайничество он может угодить в тюрьму.

На счастье, или на несчастье Оливера, ему попадается по дороге другой мальчишка, еще более оборванный, чем он сам. Это Доджер по прозвищу Ловкий Плут, воришка-карманник, он единственный из всего большого мира приходит на помощь голодному, умирающему от усталости беглецу. Он обещает Оливеру ужин и кров и отводит его в воровскую школу.

Диккенс давно хотел написать правду о лондонских трущобах и о их обитателях. В то время о преступном мире писали много, но книги эти были вот какие: «Я читал сотни повестей о ворах — очаровательных малых, безукоризненно одетых, с туго набитым карманом... достойных товарищей, самых храбрых, но я нигде не встречал настоящей страшной действительности. Герои подобных книг, лихие молодцы, были вполне счастливы — это очень устраивало некоторых читателей: они могли спать спокойно, там — в бедных кварталах — все идет отлично, и вообще мир устроен благополучно и справедливо».

Итак Оливер встречает мальчишек из школы воров, старого скрягу Феджина, содержателя воровского притона, воровку Нэнси, грабителя и убийцу Билла Сайкса. Это далеко не веселые «джентльмены удачи», а люди, у которых лишь один выход — либо умирать, либо красть.

В жутком мире живут эти люди. Даже погода, и та против них, похоже, что в трущобах всегда ненастье: «Грязь толстым слоем лежала на мостовой, и черная мгла нависла над улицами, моросил дождь, все было холодным и липким на ощупь». Неужели солнце светит только в богатых кварталах? Но, наверно, именно так кажется тем, у кого нет ни теплой одежды, ни огонька в камине.

Они преступники, воры, грабители, по ним плачет виселица, но именно они приютили бездомного Оливера. Да, эти люди во многом ужасны и отвратительны, но Диккенс не хочет, просто не может писать одной лишь черной краской. Он прекрасно понимает, и стремится, чтобы это понял и читатель: его герои искажены бедностью, нищетой, страхом, но все они — люди. Он показывает нам не только бесчисленные прорезы на пиджаке Ловкого Плути, не только грязные чулки и бумажные папилютки во всклоченных волосах Нэнси, он старается показать их душу.

И вот содержатель школы воров Феджин оказывается на деле гораздо сердобольнее, чем, например, добропорядочные надзиратели в рабочем доме. Даже Билл Сайкс, хладнокровный убийца и грабитель, и тот не совсем уж схематичный «злодей». Вспомним, как он несет раненого Оливера, а потом, будучи вынужденным оставить его, укрывает мальчика потеплее. И вот в этом главная обличительная сила Диккенса: он показывает, что при других условиях эти люди были бы не хуже многих честных горожан — такими их сделала жизнь.

Есть в романе персонаж. Он коренным образом отличается от всех окружающих его людей тем, что совершенно не поддается воздействию окружающей среды: его нельзя приучить воровать, он даже не может спокойно смотреть, как «работает» его приятель Ловкий Плут. Это главный герой книги, сирота и беглец Оливер Твист. Он похож на мальчика из сказки — как солнечный зайчик, он освещает самые темные души, пробуждая в них крупинки добра, если они еще сохранились. И Феджин, и Нэнси, и Билл Сайкс чувствуют, что этот мальчик совсем не похож на других. Роз Мейли и мистер Браунлоу спасают Оливера от полиции, не веря, что он может быть вором, хотя думать так у них есть все основания. Только души надзирателей в рабочем доме остаются глухи — видимо, этих людей не пробьешь уже ничем.

Жизненный путь Оливера — цепь мучений, но благодаря своему «сказочному» характеру он избегает участи Ловкого Плути, он на крыльях летит над жестокой действительностью, сохраняя свою совесть незапятнанной. Как магнитная стрелка, он неизменно тянется к полюсу добра, дружбы, участия. Оливер для Диккенса — олицетворение светлого начала в человеке.

«Диккенс остался для меня писателем, перед которым я почтительно преклоняюсь — этот человек изумительно постиг труднейшее искусство любви к людям», — так писал о Чарльзе Диккенсе Алексей Максимович Горький.

Ушли в прошлое лондонские трущобы, нет теперь рабочих домов, давно закрыта долговая тюрьма Маршалси (чему, кстати, очень во многом способствовали книги Диккенса) — зло нынче приняло иные формы, но мы все с тем же напряжением читаем Диккенса, смеемся, грустим, но всегда верим — лучшее в человеке непременно пробьет себе дорогу.

Е. ПЕРЕХВАЛЬСКАЯ

ВЕСЁЛЫЙ

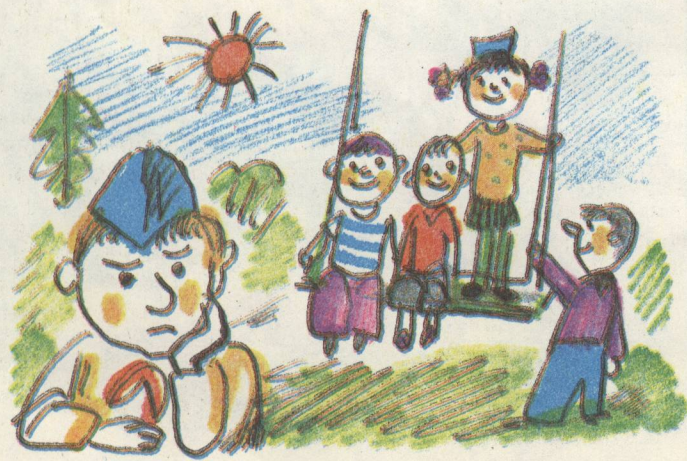
ЗВОНОК

Составил и оформил Л. Каминский

Неудачный ДЕНЬ

Бывают такие несчастные дни!
С утра опоздал на линейку,
За баней хотел отсидеться в тени —
Так ухнул в крапиву по шейку!
Припелся на завтрак, а там — «геркулес»,
Пришлось объявить голодовку...
К мичуринцам в сад с голодухи полез —
Упал на Самохина Вовку.
Хотел отлежаться — загнули на сбор
«Поэзии чудные звуки».
Пришел на обед, надкусил помидор —
Испортил вожатому брюки!
Пошел на качели — а там малышня,
Пищат, развели инкубатор!
Ну, знаете, братцы, довольно с меня!
Пойду, попрошусь в изолятор!

Марина БОРОДИЦКАЯ

ДЕЛА ОТРЯДНЫЕ

Андрей ГОРБУНОВ

Разогарование

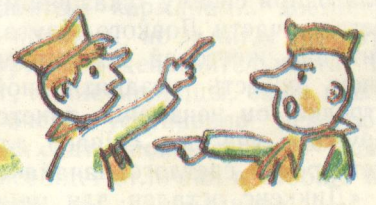
У третьего и четвертого отрядов спор вышел: чей вожатый лучше?
— Наш лучше! — утверждал третий отряд. — В футбол играет — будь здоров!
— И наш — будь здоров!
— А наш на турнике — двадцать раз!
— А у нашего — историй смешных — миллион!
— А нам добавки дает!
— И нам дает!
— Нам больше дает!
— Нам больше!
Тут уж дело до кулаков дошло. В результате вожатые решили наказать свои отряды и отменили поход с ночевкой. После чего мнение обоих отрядов стало единодушным:
— Все они одинаковые!

Как дома

— А можно, — спросил Витька, — я свою постель заправлю, как дома заправлял?
— Можно, — разрешил вожатый. — Постой, ты куда? — крикнул он удаляющемуся Витьке.
— А я дома никогда постель не заправляю! — ответил Витя.

Спор

— Куда пойдем? — спросила вожатая. — В лес или на озеро?
— Конечно, на озеро! — сказал Кадушкин. — Там головастики.
— Конечно, в лес, — возразила Каткова. — Там ягоды.
— На озеро! — закричал Степанов. — Там камыши!
— А в лесу грибы!
— И орехи! А на вашем болоте — что?
— Озере! — поправил Кадушкин.
...Спорили до самого отбоя. Перед сном решили, что и в лесу хорошо, и на озере. Жаль только, что уже было поздно куда-нибудь идти.
— Ну, ничего, — решили ребята. — Завтра обязательно пойдем. В лес! Или на озеро!

КОНКУРС „И все засмеялись!“

Рисунки
М. Беломлинского

После буржуазной революции во Франции многие аристократы, спасаясь от гнева народа, бежали в Россию. Здесь они были готовы заниматься чем угодно.

Некто Ле Мер опубликовал в «Морских ведомостях» объявление, что он дает уроки французского, польского, шведского, турецкого и еще других десяти языков, учит географии, арифметике, навигации, гидравлике и другим наукам, а также «знает секрет, как изготовлять из дешевого битого фаянса дорогой фарфор».

Газета «Санкт-Петербургские Ведомости», которая печаталась всего в 1200 экземплярах, была рассчитана даже... на неграмотных. Объявления в ней зачитывались под барабанный бой на площадях столицы.

Римляне, как известно, ходили в плащах и рубашках-хитонах. Каково же было их изумление, когда продвигаясь войной на север Европы, они встретили людей (кельтов), которые носили странную одежду, именуемую «бракой». Примерив ее, римляне решили, что она хотя и смешна, но удобна. Так римскими легионерами распространились по Европе бриюки.

Во время каникул Миша гостил у бабушки, которая жила в другом городе. Когда он возвратился, на вокзале его встретили мама, папа и брат.

Мама спросила Мишу:
— Ну как, тебе понравилось ехать в поезде?
— Не очень,— ответил Миша.— Мне досталась нижняя полка, а я хотел спать на верхней.
— А ты бы с кем-нибудь поменялся,— сказал папа.
— Не с кем было, я ехал один в купе! — ответил Миша.
И все засмеялись!

Даша Прокопьева,
7 класс,
Петрозаводск

Эта история произошла у нас в пионерском лагере «Дружный». Как-то раз мы возвращались в корпус после трудового десанта.

— Сережа, а ты что делал? — спросила вожатая.— Что-то я не видела, чтобы ты работал!
— Я ничего не делал?! — возмутился Сережа.— Да я сначала сам грабил листья, а потом сжигал то, что другие награбили!

И все засмеялись!
Гуля Досумбекова,
Темиртау

В летний день мы пошли на речку. Немного позагорали, потом решили искупаться. Когда подошли к воде, увидели маленькую девочку. Она посмотрела на нас, вытерла пот со лба и сказала:

— Ну и жара! Так жарко, хоть шубу надевай!
И все засмеялись!

Наташа Минаева,
6 класс, Подольск
Московской области

В пионерлагере мы проводили литературную игру. Вожатая называла имя писателя или поэта, а мы по кругу должны были быстро называть произведения этого автора. Тот, кто не мог сразу вспомнить, выбывал из игры.

— Александр Сергеевич Пушкин! — сказала вожатая.
— «Сказка о рыбаке и рыбке!» «Капитанская дочка!» — стали выкрикивать ребята. Когда дошла очередь до Коли, он выпалил:
— Песнь «Вещий Онегин»!
И все засмеялись!

Оля Шашенкова,
Москва

МОРСКАЯ ГАЗЕТА

Оформление
Л. Московского

В прошлом выпуске «Морской газеты» был рассказ о Зиновии Григорьевиче Русакове. Читатели захотели узнать об этом удивительном человеке подробнее, а некоторые хотели бы задать Зиновию Григорьевичу вопросы.

Мы пригласили героя рассказа «Удивительный моряк» в нашу кают-компанию и передали ему вопросы читателей.

Миша СТЕПАНОВ: — Зиновий Григорьевич! Как Вас взяли воевать, если Вам было так мало лет!

— Была гражданская война и тогда в этом не было ничего необычного. В Красную Армию я вступил, когда мне едва исполнилось шестнадцать. Взрослость в те годы определялась не тем, сколько тебе лет, а тем, какие у тебя заботы...

Лена ХАРИТОНОВА: — Вы служили вместе с Котовским. А кого из знаменитых людей Вы еще видели!

— Моими однополчанами по службе в коннице и одногодками были Николай Островский и товарищ по комсомолу Михаил Светлов. Обрати внимание на старую фотографию, Лена, которую напечатала «Морская газета» в майском выпуске. Справа от меня — военком Павел Семенович Рыбалко, в будущем — маршал бронетанковых войск, дважды Герой Советского Союза.

До прихода в конармию мне довелось недолго служить в Москве, в роте особого назначения ВЧК. В те дни мне посчастливилось видеть и Владимира Ильича Ленина...

Дима СИМОНЯН: — Зиновий Григорьевич! Не могли бы Вы рассказать еще какой-нибудь военный эпизод!

— Расскажу о героях-моряках, которые сражались на Ладоге...

Когда фашисты блокировали Ленинград, по Ладожскому озеру с Большой земли в город шла помощь — на кораблях. Тогда фашисты, чтобы помешать нам, доставили на Ладогу свои корабли. Ладогу недаром называют морем. Это настоящее море — с туманами и сильными штормами. И как на настоящем море, на Ладоге — маяки. Они помогали тогда нашим кораблям. Особенно был важен маяк на крошечном островке Сухо. Весь-то остров в длину меньше ста метров! В годы войны на остров наши привезли три пушки. И вот фашисты решили уничтожить и маяк и маленький гарнизон острова...

Погода в октябре сорок второго года стояла пасмурная и наблюдатели

на острове сначала врага не увидели, а услышали: приближался шум моторов.

— К бою! — скомандовали на батарее.

— К бою! — поднял всех бойцов командир гарнизона.

И вот со всех сторон на островок полетели фашистские снаряды, с юнкерсов посыпались бомбы... Бой разгорелся жестокий. Защитникам острова помогали еще артиллеристы нашего небольшого дозорного корабля. Но

силы были все равно слишком неравными, и радист корабля передал в эфир призыв о помощи...

Вот уже ранены наши командиры. Вот уже в траншеях острова идет рукопашный бой с фашистскими десантниками. Насмерть стоят наши, не сдаются, не отступают. Только все меньше защитников островка...

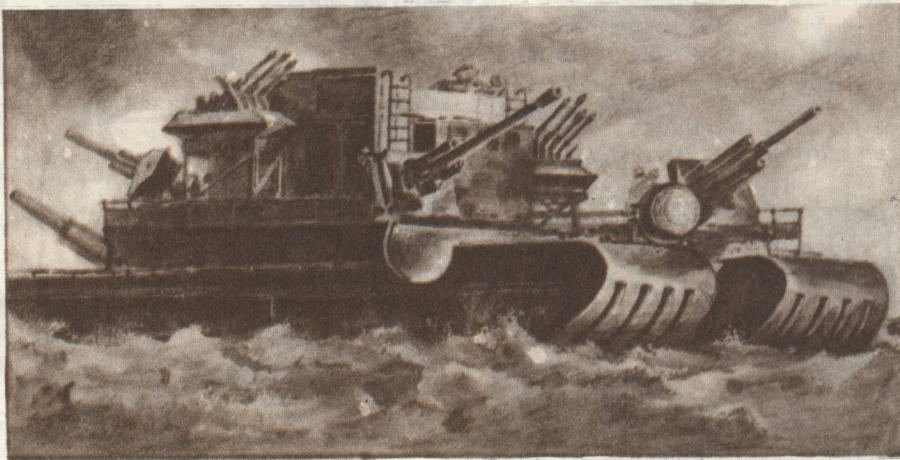
И вдруг... Что такое? Фашисты начали отходить!

А это в небе загудели моторы наших самолетов. Летчики пришли на помощь героическому гарнизону. Потом и наши корабли подошли. Погнали фашистскую флотилию.

Потом подсчитали: против трех пушек на островке фашисты подвезли на кораблях — тридцать пушек. Да еще сто тридцать пять крупнокалиберных автоматов! И сотни десантников...

Одного они не учли — мужества наших моряков и солдат...

**Вопросы читателей
Зиновию Григорьевичу передал
и ответы записал Олег ОРЛОВ**

Это — одно из десантных судов фашистов, со многими пушками и автоматами, штурмовавшее остров

**ВОТ ЭТО
КАРТА!**

**ОКЕАНСКИЙ
ТЕЛЕГРАФ**

Представьте себе экран цветного телевизора, на котором четко видна морская карта, карта того района, где сейчас плывет ваш корабль... И точно на том месте, где находится корабль, на этой карте виден и он, корабль, — не больше мухи, конечно... Двигается в море корабль, движется на экране его изображение. И точно все видно: далеко ли берег, где рифы, где мели... Меняется район плавания, меняется на экране карта — словно гигантский глобус движется...

Карта эта — электронная и изобрели ее ученые недавно... Сами понимаете, как ценна такая карта для мореплавателей.

**ВЫСТАВКА
ПИНГВИНА**

**АТАКА
Саша Чижов,
Воркута**

ЧЕРЕЗ ОКЕАН НА РЕЗИНОВОЙ ЛОДКЕ

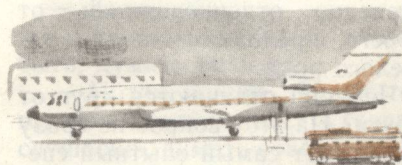
рассказ в картинках

14. И Бомбар победил океан. На шестьдесят пятый день плавания он увидел землю. Это была Южная Америка! Бомбар вытаскил лодку на берег и упал на песок: сидя в лодке и почти не двигаясь, он разучился ходить!

15. Неприкосновенный запас продуктов Бомбар так и не тронул...

16. На карте — путь через Атлантический океан, который проделал Бомбар.

17. Когда Ален Бомбар вернулся на самолете во Францию, его встречали родные и друзья. Все были рады видеть его живым и невредимым.

18. Больше всех радовался сам Бомбар: он ведь доказал, что любой человек может выжить, оказавшись в море без воды и пищи! И даже если он окажется посреди океана в маленькой резиновой лодке...

Умный дельфин Алиса

Про ум дельфина рассказывают много. Вот как дельфин Алиса решала задачи...

Известно, что дельфины пользуются эхолокацией. Но как точно они определяют границы исследуемых объектов? Ученый закрыл Алисе глаза специальными сферами. Получилось что-то вроде маски. Потом под водой к рычагам были подвешены шары разного диаметра — один поменьше, другой — побольше. Задача для Алисы была: ответить — какой шар больше. Для этого она нажимала на тот рычаг, где висел больший шар. И Алиса прекрасно, с закрытыми глазами, лишь «ощупывая» шары своим удивительным эхолокатором, опреде-

ляла точно — какой шар больше. Тогда ученый стал подвешивать шары, которые чуть-чуть отличались друг от друга, но отличались лишь на несколько миллиметров. И все-таки Алиса не ошибалась... Она точно «указывала» на больший шар...

Но однажды она отказалась решать задачу. Просто отвернулась от шаров и уплыла в другой конец бассейна... В чем дело? Оказывается, ученый по ошибке повесил на рычаги два совершенно одинаковых шара. И Алиса обиделась: зачем ей подсунили неразрешимую задачу?

Вот какая умница — Алиса...

ЭТОТ «ТЯЖЕЛЫЙ, ТЯЖЕЛЫЙ, ТЯЖЕЛЫЙ МЕТАЛЛ»...

Надписи на заборах

Видимо, многим из вас приходилось видеть на стенах, на заборах, в парадных странные надписи, сделанные мелом или углем, — АС/ДС, СКОРПИОНС, ЭКСЕПТ, КИСС... Приходилось встречать на улицах непривычно одетых ребят — черные кожаные куртки или жилеты, усыпанные металлическими заклепками, железные цепочки, браслеты и пояса с шипами и бляхами. Кто они и что означают надписи на стенах?

Это — «металлисты», поклонники популярного музыкального стиля «хэви-метал» («тяжелый металл»). А загадочные надписи — названия известных западных групп, играющих «хэви-метал рок».

Вообще-то у «металлистов» жизнь тяжелая. Судите сами: в школу в таком виде, понятное дело, не пустят, на улице тоже небезопасно — в милицию могут забрать. Все оглядываются, пальцами показывают. В магазине грампластинок — итальянцы, Антонов, БИТЛЗ, и совсем

ничего «металлического»... Тоска.

Но в последнее время отношение к «металлистам» несколько изменилось. Ведь их много, они есть почти в каждом городе.

Появилось огромное количество «металлических» групп. Все они, в основном, копируют западную музыку, кто-то лучше, а кто-то хуже, зато названия чего стоят: РОК-ПРЕЗИДЕНТ, РОК-ФАНАТ, СКОРАЯ ПОМОЩЬ, ЛЕГИОН, АКЦЕНТ, ЭЛЕКТРОДВИЖУЩИЕ СИЛЫ, ШТОРМОВОЕ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ... Особо популярными эти группы не назывешь, и кроме «металлистов» их никто всерьез не воспринимает. Почему? Попробуем разобраться.

Хэви-метал рок

ИСТОРИЧЕСКАЯ СПРАВКА

В современной рок-музыке есть множество различных направлений — реггей, арт-рок, «новая волна»... «Хэви-метал» — всего лишь одно из них. Трудно назвать точную дату его возникновения, «метал» выделился в самостоятельный стиль в конце семидесятых — начале восьмидесятых годов, постепенно отпочковавшись от своего предшественника — тяжелого рока.

Чем они отличаются друг от друга? На этот вопрос не сразу даст ответ самый опытный специалист, потому что... особой разницы-то нет. Иногда говорят, что «хэви-метал» — это современный вариант тяжелого рока, однако, скорее всего, он является его ухудшенным вариантом... Тяжелый рок играли в свое время такие знаменитые группы, как ДИП ПЕРПЛ, ЛЕД ЗЕППЕЛИН, БЛЭК САББАТ, ЮРАЙЯ ХИП. Эти ансамбли повлияли на дальнейшее развитие рок-музыки — ведь в них работали прославленные музыканты — гитаристы Ричи Блэкмор и Джимми Пэйдж, клавишник Джон Лорд, вокалисты Роберт Плант и Ян Гиллан.

К концу семидесятых тяжелый рок заметно утратил свое могущество. Но нельзя не при-

знать — в тяжелом роке было немало привлекательного: красивые инструментальные партии, оригинальные мелодии, неожиданные ритмические комбинации. «Хэви-метал» взял от тяжелого рока жесткий насыщенный ритм, продолжительные по времени гитарные пассажи и агрессивную манеру исполнения. Главное же отличие заключено в специфическом, буквально «металлическом» тембре, а вот мелодии, аранжировки напоминают тяжелый рок, упрощенный до предела. Конечно, не все «металлические» группы одинаковы. Есть дебютанты, а есть группы с большим стажем, в которых играют опытные музыканты. Но и в том, и в другом случае ничего принципиально нового не возникает.

И все-таки этот стиль очень популярен, причем не только в нашей стране, но и во всем мире. Может быть, его поклонники не понимают, насколько он примитивен? Я решил спросить об этом самих «металлистов»...

В Ярославль — за «металлом»

Можно было и не ездить в Ярославль. С таким же успехом я мог отправиться в Свердловск, в Харьков или в Одессу, или остаться в Ленинграде, ведь «металлистов» и здесь предостаточно. Но Ярославль старинный русский город — ему без малого тысяча лет, рядом — Волга, древний Кремль, «Золотое кольцо»... и вдруг «металлисты»!

Еще одно немаловажное обстоятельство: мои коллеги, ярославские журналисты из молодежной газеты «Юность» обещали мне устроить встречу с самыми главными «металлистами» города!

...Они в самом деле пришли. Блестели заклепки, позвякивали цепочки. Ребята — их было семеро — чувствовали себя довольно непринужденно, им уже приходилось бывать в редакции и отвечать на вопросы, и они знали, что здесь к ним относятся серьезно. Это очень

важно, когда человек чувствует, что его хотят понять. А тут еще специально приехал корреспондент из «Костра»! Но фамилий своих они просили не называть — на всякий случай... Мы разговаривали довольно долго, около трех часов. Вот фрагменты этой беседы.

Не только музыка

— Вы согласны с тем, что «хэви-метал» — это упрощенный тяжелый рок?

— В общем, да.

— Ваша любовь к «металлу» — это только музыкальное увлечение или что-то еще?

— Нет, не только. «Металл» нас объединяет, мы получаем энергетический заряд.

— Можно сказать, что существует «металлическое» движение, представителями которого вы являетесь?

(После небольшого колебания) — Да. Это движение.

— А какие у него цели?

— Собираться вместе. Слушать «металл».

— И все?

— Обсуждать музыку. Поспорить о новых дисках, обменяться записями. Еще мы хотим, чтобы нас уважали. А то собираемся в парадной... Сплошные оскорбления... Мы — не шпана какая-нибудь. Недавно трое наших пришли в дискотеку, попросили поставить «металл». Так их «дискоманы» (любители диско) побили. За что? Ведь мы-то не деремса. Хотя можем, конечно...

— У «дискоманов» тоже движение?

— Нет! Куда им! Это мы боремся, а им-то за что? Диско и так везде гоняют! Кстати, в дискотеке их было шестьдесят человек, а наших — всего трое. Хорошо движение!

— Вам музыку как приятнее слушать: в компании или одному?

— В компании... Когда слушаешь ПИНК ФЛОЙД, то одному, в наушниках, а если «металл» — то вместе. Нет, мы ПИНК ФЛОЙД уважаем, под них можно отдохнуть, подумать о чем-то, но это музыка не «заводящая».

— «Заводка» непременно нужна?

— Конечно!

— А под «металл», стало быть, думать нельзя?

— Потом можно... После того, как послушаешь. А когда слушаешь, думать совсем не хочется. (Смех). Мы просто наслаждаемся!

— А какое отношение ваши костюмы имеют к музыке? Все эти браслеты, цепи — зачем вы их носите?

— «Металл» — это не только музыка... Да... Тут своя философия...

— А что это за философия? В чем она выражается?

— (Небольшая пауза). Оззи Осборн говорил: «Оглянитесь вокруг! Как все паршиво!»

— Так в этом философия «металла»? Что все паршиво?

— Нет... Конечно, не все паршиво... а с другой стороны, когда слышишь диско, МОДЕРН ТОКИНГ, все эти песенки о любви... Это как хиппи — «Мир спасет любовь». Утопия!

— Это музыка действия! Она призывает к борьбе!

— К борьбе за что?

— (Пауза). Я знаю, что хочу сказать, а вот... не получается...

— Бывает... И все же — какие вы ставите перед собой цели?

— Наши ближайшие цели... (Пауза). Чтобы «металл» по радио крутили и по телевидению. Пластинок нет в продаже...

— А может быть, «металл» — это очередная музыкальная мода?

— Это не мода! Нет! «Металл» всегда будет!

— Почему? Если не мода, то должно быть что-то особо значимое, серьезное. Энергия, ритм — так про многое можно сказать, это общие слова. А вам под ваш любимый «металл» даже думать-то не хочется. Так, поспорить разве — на какой пластинке больше «заводки»... А ведь на этой моде кое-кто здорово наживает. Те же КИСС, например. Вы тут говорите о борьбе, о каких-то целях, а они зарабатывают свои миллионы и ведут самый обычный буржуазный образ жизни. Никаких особых целей, никаких идей. И по улице в цепях не ходят. Получается, что для вас это потребность души, а для большинства «металлических» звезд это один из способов заработать побольше денег.

— Помню было интервью с одним из лидеров. Так он сказал: «Для меня самое главное — деньги!»

— Однако вам эта музыка нравится. Получается самообман. Вы знаете, что на сцене там происходит одно, всякие гримировки под летучую мышь и прочих зверей, а потом музыкант приходит домой и... борется вроде не за что.

— Так ведь это на Западе! А нас только музыка интересует! А их образ жизни нам неинтересен!

— Хорошо. У нас в стране тоже есть «металлические» группы. Вам интересно то, о чем они поют?

— Нам их редко приходится слышать... Надо чтобы они пели про борьбу за мир, о со-

циальных проблемах, искореняли недостатки... Ну, пусть про любовь поют, если кому охота...

— А западные группы поют такие тексты?

— А мы этого от них и не ждем... Во-первых, мы не понимаем, о чем они поют, а то, что переводят, — нам не нравится... Их призывы нам неинтересны. Но поскольку своих групп мало, вот и приходится слушать западные!

— Значит, у вас к этим группам чисто внешний интерес? А на стенах зачем пишете? Это обязательно?

— Нет, не обязательно... А только что остается? Информации нет никакой, напишешь на стене...

— Вроде бы легче становится?

— Вроде так. Если бы у нас хоть раз в неделю была «роковая» передача. Наши бы ансамбли показывали, зарубежные...

— Предположим, все трудности позади, «металл» звучит на каждом шагу. Что будете тогда делать, бороться-то будет не за что?

— Ну тогда... Тогда все будет нормально. К нам никто приставать не будет, и у нас тоже претензий не будет... Каждый сможет слушать то, что ему нравится: дискотечные — диско, а мы — «металл» (смех, воодушевление).

Что будет завтра?

Мы еще долго беседовали на разные темы — о книгах, о кинофильмах, о футболе... Мне было интересно с этими ребятами, и я ни на секунду не пожалел, что приехал в Ярославль. Правда, очень уж эрудированными их не назовешь — если по поводу «металла» они могли перечислить все альбомы последних лет, то о литературе они рассуждали скованно. Сказывалось, наверное, чрезмерное увлечение «металлом»...

Без сомнения, ребята во многом были правы. Если уж существует такой массовый интерес к «хэви-металу», то надо создавать соответствующие

условия для любителей этой музыки. Организовать клубы, снабдить желающих нужной информацией и, самое главное, научиться разбираться в этой информации. Юные ярославские «металлисты» справедливо жаловались на то, что их и в школе, и в милиции принимают за хулиганов. Ну, а случай с «дискотечными» вообще возмутительный... Вы, наверное, заметили, что многие вещи они понимают правильно и ничего дурного у них в мыслях нет.

И все-таки, я не могу избавиться от ощущения, что эта страсть к «металлу» похожа на какую-то детскую игру, в которой есть свои правила и условия. И мне очень сильно не нравится одно из них — «думать не хочется». О музыке можно спорить до бесконечности, можно любить «хэви-метал» и можно вообще не обращать на него никакого внимания, но когда человеку не хочется думать, то... плохи дела! Он тогда вроде бы уже и не человек, а нечто вроде робота — подключился к магнитофону, «зарядился» от него, как от аккумулятора, и побежал дальше, что-то делать, за что-то бороться... А рядом — такие же роботы. А что с ними будет завтра?

Не знаю. Металлический каркас, который сооружается с небывалым упорством, будет обрастать все новыми и новыми деталями, потом превратится в цельнометаллическую конструкцию, а потом окружающий тебя мир постепенно станет исчезать из поля зрения. А потом, в один прекрасный день, эта металлическая машина не выдержит собственной тяжести, треснет, или ее разест ржавчина. Тогда берегись! Железо — штука тяжелая!

...В конце разговора пришел редакционный фотограф, чтобы запечатлеть для истории ярославских металлистов. Они обрадовались, скорчили немислимые гримасы и застыли в устрашающих позах — точь-в-точь, как их кумиры на обложках зарубежных журналов.

Смотреть на них было очень смешно. И немножко грустно.

А. ГУНИЦКИЙ

ЧЕМПИОНАТ — 6-й ТУР

Состязание отважных разведчиков АРЧЕБЕКА продолжается!

ШАХМАТЫ.

А. Белые: Kpg2, Ce3, Kc3, пп. d3, e2, f2; черные: Kpe1, п.f6.

Б. Белые: Kpd8, п.a5; черные: Kpd6, п.h7.

Цель разведки: выяснить, дается ли мат в 5 ходов в А (В. Пронин) и какой результат ждет белых в Б.

РУССКИЕ ШАШКИ.

А. Белые: b2, d2, e3, f4, g3, g5, h6; черные: a3, a5, a7, c5, c7, e7, h8.

Б. Белые: c1, e7, f6; черные: c3, f4, h4.

Цель разведки: и в А (С. Ковалев) и в Б определить, чем должна закончиться игра для белых — выиграшем? ничьей? проиграшем?

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ШАШКИ.

А. Белые: 6, 14, 49; черные: 45.

Б. Белые: 9, 16, 25; черные: 33.

Цель разведки: команда белыми, заставить противника сдать.

ЗАДАНИЕ РЕЗЕРВУ

Расставь фигуры так — белые Kpc5, Fg2, Каб; черные: Кра7, п.g3. Твои белые. Сделай такой ход, чтобы при любом ответе черных ты сразу дал мат. (Не забудь, что черные пешки всегда идут сверху вниз — от восьмой линии к первой).

ТРЕНИРОВОЧНАЯ КАБИНА

Заходите все желающие! Но особенно окажется полезной сегодняшняя тренировка тем, кто выходит в финал чемпионата.

Тема? Шахматный этюд. Чем отличается он от задачи? В задачах требуется дать в указанное число ходов мат, а в этюдах задания другие: «Найти путь к выигрышу» или «Найти путь к ничьей», причем число ходов не назначается и доводить решение до мата не обязательно, а достаточно получить перевес в силах (в этюдах на ничью — уравнивать силы или создать явно ничейную позицию). Пример? Он на диаграмме.

Задание этого этюда — белые делают ничью. Начинаем решать... Черные угрожают превратить пешку h2 в ферзя. Поэтому — 1.Ld8+ Kpe2 2. Le8+ Kpf2 3. Lf8+ Kpg2. Что делать дальше? Если пойти Lg8+, то после ответа Kph3 шахов не будет, а черные пойдут пешкой на h1 и выиграют. Но подумав, находим хороший ход — 4. Lb8! (с угрозой Lb1). И теперь ничья обеспечена, т. к. на 4... h1Ф следует...

Что же следует? Доблестные разведчики! Укажите это в отдельном сообщении.

СДАЙ ЭКЗАМЕН ПЕШКОЕДОВУ!

№ 1. Белые: d2, d4, e3, g1, h6; черные: b4, b6, c5, e7, f2.

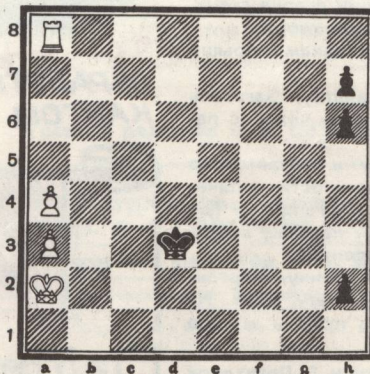
№ 2. Белые: e1, e3, e5, f4, h4; черные: b2, c5, c7, d6, e7.

№ 3. Белые: d2, d4, e1, g1, g5; черные: b4, b6, d6, e7, h2.

Кто сумеет в этих позициях (В. Ячейкин, Киев) не передвигая шашек на доске, найти победные комбинации белых? Кто сдаст этот экзамен Пешкоедову? **Рапортовать на отдельных открытках! Трое будут награждены!**

НАГРАДНОЙ ОТДЕЛ АРЧЕБЕКА

В конкурсе «Кто? Кто? Кто?» («Костер» № 11, 1986) приз получил (по жребию среди верно решивших) Алла-

назар Аллаберенов (к/х «Красный Октябрь»).

В конкурсе «Новогодний приз» («Костер» № 12, 1986) верны решения:

ШХМ. Мат в три хода в № 1 — 1.Kf8! Kр:f8 2. Kpe6, в № 2 — 1. Ce5! Kpe7 2. d8Ф+1, в № 3 — 1. Ла6! ба 2. Лb1, или 1... b6 2. Лh7, в № 4 — 1. g8C! h5 2. Сb3, или 1... h6 2.Cd5, в № 5 — 1. Са2! Л:a2 2. Л:a2 (ложные следы — 1. Cd5? или 1. Ce8? Ла2!; 1. Kpg2? Ла1!; 1. Kpg1 Ла2!).

РШ. № 1. 1. g5! 2. fe7X. № 2. 1. ab6! 2. b4! 3. b2X. № 3. 1. cd6! 2. g3 3. b4!X. № 4. 1. f4! e3 2. g5! h4 3. b4X. № 5. 1. ab2! 2. b4! 3. f2X.

МШ. № 1. 1.48! 31 2.43! 32—37 3.48!X. № 2. 1.10! 2.24!X. № 3. 1.38—32! 2.43! 3.32X.

Кто же награждается?

ШХМ. За № 1 — Наташа Чеченова (с. Солонка), за № 2 — Сережа Хабибулин (Кушка), за № 3 — Саша Малышев (п. Восточный), за № 4 — Нисон Пинхасов (Нариман), за № 5 — Саша Ломейко (с. Червоноармейское), за решение всех пяти — Юлия Головнева (Уссурийск).

РШ. За № 1 — Лена Коврыга (х. Правоторово), за № 2 — Олег Носов (п. Красноармейский), за № 3 — Андрей Антошкин (Жуковка), за № 4 — Юра Салий (Конотоп), за № 5 — Толя Явкин (с. Мокшалай), за решение всех пяти — Саша Репников (Нижний Тагил).

МШ. За № 1 — Ира Клименко (Баку), за № 2 — Володя Сигарев (Армавир), за № 3 — Виталий Манченко (Чита), за решение всех трех — Дима Мефодовский (с. Ульяновка), Павел Главатских (Балаково), Миша Шуклин (Пермь).

Отличные донесения прислали и многие другие разведчики.

БЮРО САМОПРОВЕРКИ

Задачи в «Костре» № 4 решаются так.

Чемпионат. ШХМ. А. 1. Сb1! f2 2. Фc2!, или 1... Kph6 2.Фf4+ **Б.** 1. Са7! h3 2. Лb6!, или 1... Kph3 2. Лf4, или 1... hg 2. Лf4.

РШ. А. 1.e7 2. b4 3. c7 b4 4. b8 c3 5. f4!X. **Б.** 1. ed6! 2. b6!X.

МШ. А. 1.4. 38 2.15! 43 3.30! X. **Б.** 1.23! 25 2.18! 30 3.12 34 4.7 39 5.43 6!X.

Резерву. 1. Фh2!

Кто? Кто? Кто? Расставьте шашки — белые: пр.b4, d4, e3, g3, g5; черные: Д.b6, пр.b2. После ходов 1... ба1 2.bc5 а:f2 возникает позиция Ю. Новикова.

Тренировочная кабина. Вот решения задач А. Шапошникова. № 1 — 1.Фf6 Kpc5 2. Cd7, или 1... e4 2. Cd7; № 2 — 1.Лg7 Kpe6 2. Ce4, или 1... Kpf5 2. Cd5; № 3 — 1. Kpe6 Kpg7 2. Лh1 и т. д., или 1... Kph6 2. Kpf6 и т. д.

ПРИКАЗ № 6

Я, главнокомандующий АРЧЕБЕКОМ, приказываю:

§ 1. Всем арчебековцам отправить рапорты до 15 сентября.

Шахмат-адмирал Ферзьбери

ПЛЯЖНАЯ СУМКА шьется из двух кусков ткани. Выкройка — половина одной стороны сумки. Материал сложи пополам — линия сгиба 77 см. Можно выкроить эту сумку из четырех частей, стачав половинки для каждой стороны. Можно сшить сумку из двух видов ткани, подходящих по качеству и рисунку, стачав четыре куска в шахматном порядке.

Край отверстия и ручку (она одна) заделать кантом (см. шитье рюкзака).

МАЛЕНЬКИЙ РЮКЗАЧОК шей из плотной ткани. Для ремней нужен метр корсажной ленты. Можно сделать ремни из ткани рюкзака, часто их прострочив (ширина ремня — 3-4 см). Украшение — лента, тесьма нашиты до сборки рюкзака. Дальнейший ход работы таков: подшей отверстие кармана и притачай его к передку рюкзака, зашей складки, отмеченные на выкройке. По косой нити выкройки канты (ширина — 4-5 см). Обработай кантом каждую деталь. Для этого приложи кант к изнаночной стороне детали и притачай. Завернув кант на лицевую сторону, пристрочи так, чтобы этот шов прикрыл предыдущий. Крепко соедини ремни со спинкой рюкзака, а место соединения закрой кусочком ткани. Собери рюкзак из деталей, дважды прострочи рядом со швом канта (начиная строчить от середины в обе стороны). Остались петля, пуговица, дырочки для шнура (обработай их петельным швом). Примерив рюкзачок, можно точно определить длину ремней и пришить их наискосок к спинке рюкзака.

Мы с тобой сшили маленький рюкзачок. Он подойдет для твоей младшей сестренки или братишки. С таким рюкзачком ты можешь пойти в лес, дальнюю прогулку. Если же ты **СОБИРАЕШЬСЯ** В настоящий **ПОХОД**, то и рюкзак у тебя должен быть настоящий, с широкими ремнями. Подшей их сукном, войлоком или фетром, чтобы не врезались в плечи.

А УМЕЕШЬ ЛИ ТЫ УКЛАДЫВАТЬ РЮКЗАК? К спине кладут мягкие вещи (одеяло, запасную одежду). Все это нужно разложить по спинке рюкзака, а не валиком или комом. На дно положи тяжелые вещи, сверху легкие. В карманах рюкзака держи то, что должно быть под рукой или же изолировано (мыло). Котелок, миску, кружку, ложку заверни в бумагу, чтобы они не гремели. Для них желателен чехол. Для продуктов надо иметь особые мешочки. Для масла — банку с завинчивающейся крышкой. В рюкзаке должен поддерживаться постоянный порядок, чтобы из-за мелочи не вываливать все вещи и не терять время.

Не забудь взять в поход запасную одежду. Сырую одежду просушивай. Кожаную обувь суши днем в тени, а вечером в стороне от костра. Можно набить сырую обувь сеном и повесить на ветер.

Войлочную стельку замени стелькой из газеты или из сена. Время от времени промазывай туристские ботинки расплавленным воском. Он закупорит поры кожи, и она станет непромокаемой.

Кусок полиэтилена заменит скатерть, в дождь послужит накидкой, после дождя на него можно ставить рюкзак.

Пустую консервную банку можно использовать в походе в качестве посуды, для ремонтных работ, сделать «подсвечник», а привязав длинную палку — поварешку.

Развести костер в дождь можно при помощи огарка свечи, его устойчивое пламя зажигает даже сырой хворост.

Во время дождя не следует прикасаться к стенкам и крыше палатки, от этого она промокает.

Для того, чтобы быстро установить палатку, заготовь заранее легкие и прочные колышки, носи их в чехле с палаткой.

Бери для питья только проточную воду и обязательно кипяти ее. В крайнем случае, при невозможности кипячения, добавь в воду несколько кристаллов марганцовки (до светло-розового цвета). Не промывай водой порезы, ссадины, царапины, а смазывай их йодом или зеленкой.

Не забудь походную аптечку: йод или зеленку, марганцовку, вазелин, таблетки от головной боли, вату, бинт. На бутылочки с жидкими лекарствами поверх пробки можно надеть детскую соску, чтобы не вылились.

Рисунки Т. Петуховой

□ = 5 см

ЗА СЕМЬЮ ПЕЧАТЯМИ

Оформление А. Януса

КОНКУРС КРОССВОРДОВ

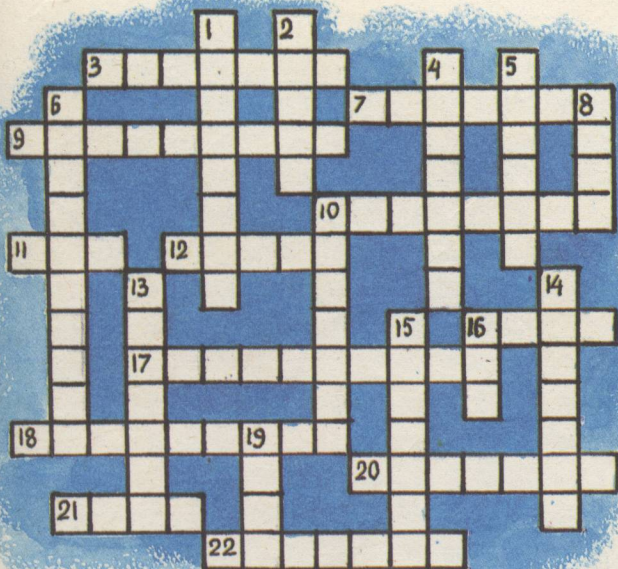
Люда Назаренко из города Запорожье прислала нам очень хороший кроссворд об известных озерах мира.

По вертикали: 1. Озеро в Канаде. 2. Озеро в Армении. 4. Озеро в Венгрии. 5. Озеро на границе Конго и Уганды. 6. Озеро-море в СССР. 8. Озеро в Эфиопии. 10. Озеро на границе США и Канады. 13. Озеро в Швейцарии. 14. Озеро в Северной Америке. 15. Озеро на севере США. 16. Большое озеро в Центральной Африке. 19. Озеро в Италии.

По горизонтали: 3. Озеро в Калининской области. 7. Озеро на Кольском полуострове. 9. Солёное озеро в СССР. 10. Крупнейшее озеро в Африке. 11. Озеро в США в штате Невада.

12. Озеро в Вологодской области. 16. Озеро в Новосибирской области. 17. Озеро в Восточной Африке. 18. Озеро

на границе Швейцарии и Франции. 20. Озеро в Турции. 21. Озеро в Эфиопии. 22. Солёное озеро в Австралии.

КОНКУРС! КОНКУРС! КОНКУРС!

ПУТЕШЕСТВИЕ ПРОФЕССОРА СИНИЦЫНА

Только что в Клуб «За семью печатями» пришло новое письмо от профессора Синицына, совершающего кругосветное путешествие в поисках новых головоломок.

«В городе, куда мы прибыли,— написал нам профессор,— мне показали местный археологический музей. На одном из стендов, под стеклом, находились две бесценные древние монеты. На них даже стояла дата чеканки: «201 год до н. э.». Смотритель музея с гордостью сообщил мне, что таких монет нет больше ни в одном из музеев мира.

— Да,— ответил я,— таких монет действительно нет больше нигде, потому что они... поддельные!»

— Как!— вскричал смотритель,— почему?!

А теперь, дорогие читатели, юные любители головоломок, попробуйте вы ответить на этот вопрос и объяснить, почему монеты в археологическом музее являются поддельными.
(10 очков).

ОТВЕТЫ НА ЗАДАНИЯ

Путешествие профессора Синицына. Самолет, на котором летел профессор Синицын, держал курс через Северный полюс.

Конкурс кроссвордов.

По горизонтали: 5. Амазонка. 6. Киргизия. 8. Берингово. 11. Парана. 14. Брянск. 15. Орисаба. 16. Ангола. 17. Дрейка. 21. Эстония. 22. Греция. 23. Бремен. 26. Бангладеш. 27. Виннипег. 28. Балтимор.

По вертикали: 1. Мюнхен. 2. Моравия. 3. Амударья. 4. Виргиния. 7. Англии. 9. Индонезия. 10. Франкфурт. 12. Аральск. 13. Абердин. 18. Претория. 19. Сомали. 20. Эдмонтон. 24. Кампар. 25. Берлин.

Главный редактор С. В. САХАРНОВ

Редакционная коллегия:

Л. А. БОГАЧУК, В. М. ВЕРХОВСКИЙ, Ю. Н. ЗАРУДНЕВ (зам. главного редактора), О. П. ОРЛОВ, А. И. ПАНТЕЛЕЕВ, Р. П. ПОГОДИН, Е. В. СЕРОВА, Н. И. СЛАДКОВ, А. Я. ТОЛСТИКОВ (отв. секретарь), Г. П. ЧЕРНЫЙ, Г. М. ЧЕРНЯКОВА

Художник-редактор А. Н. АЗЕМША

Технический редактор В. И. МЕЦАТУНОВА

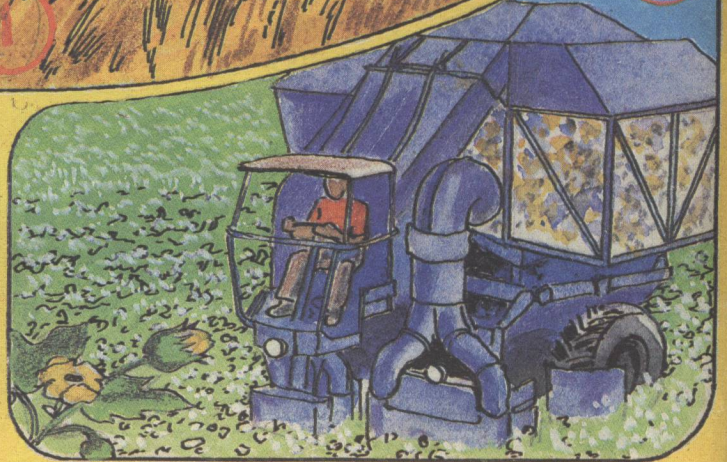
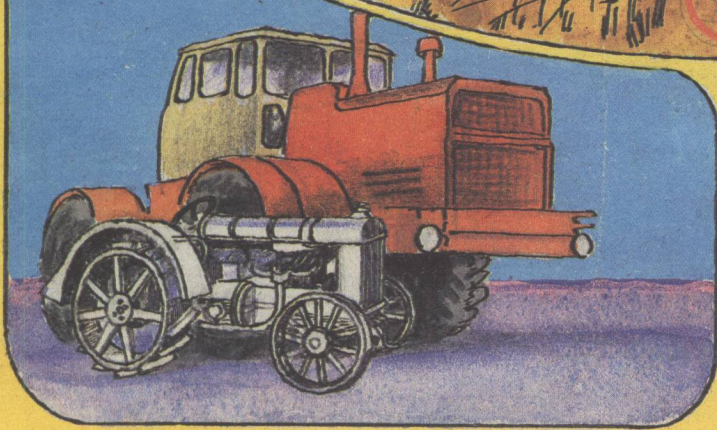
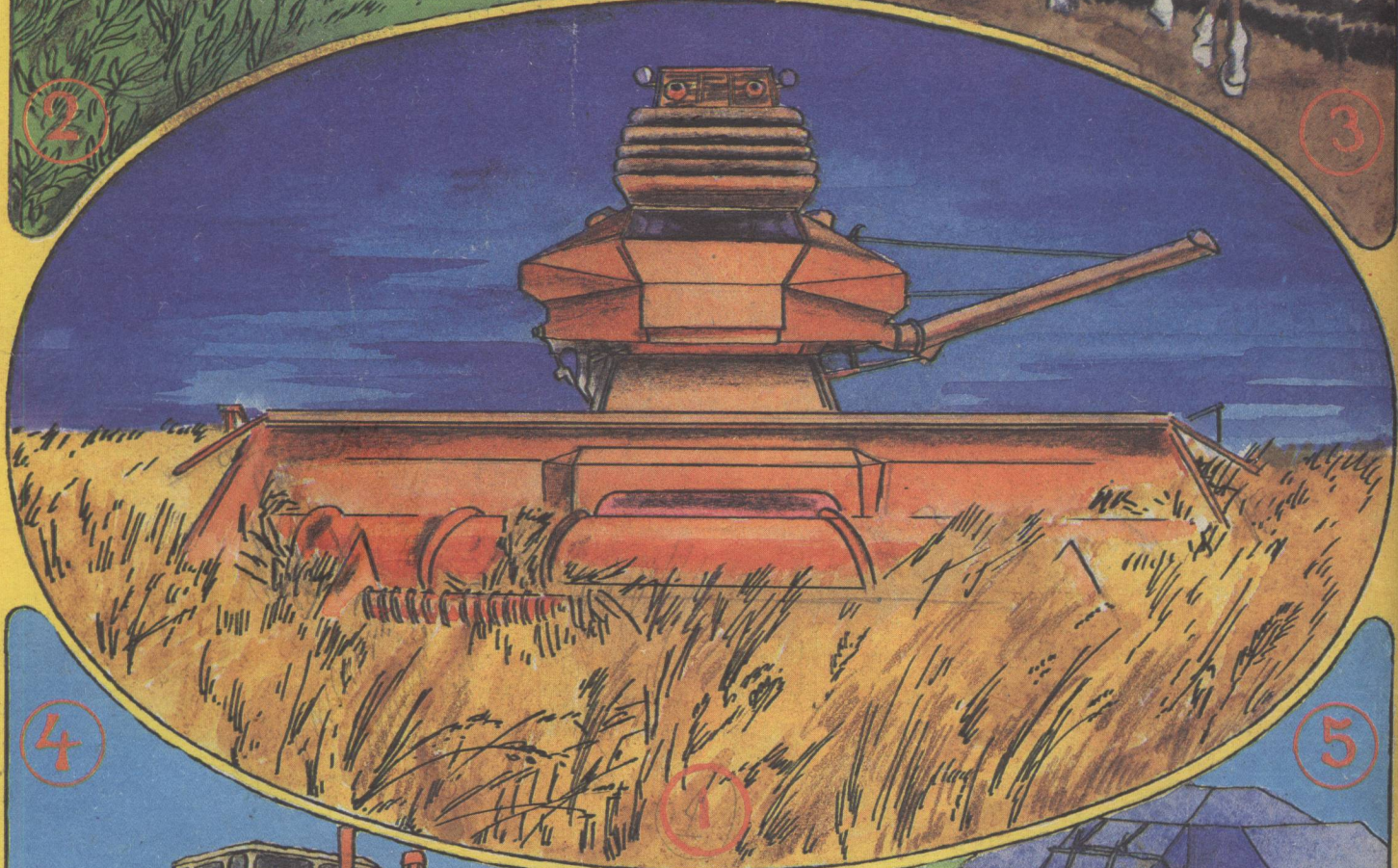
Корректор Д. Г. ЛАЗДАН

Адрес редакции: 193024, Ленинград, ул. Мытнинская, 1/20, телефон: 274-15-72

М-26128. Сдано в набор 05.02.87. Подписано к печати 14.04.87. Формат 60×90¹/₈. Печ. л. 6. Усл. печ. л. 6. Уч.-изд. л. 8,0. Печать офсетная. Тираж 1 170 000 экз. Заказ 2259. Цена 30 к.

Ленинградская фабрика офсетной печати № 1 Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 197101, Ленинград, ул. Мира, 3.

ВИКТОРИНА С РИСУНКАМИ

1. Как называется эта машина, что она умеет делать?
2. Кто орудует этой палкой-копалкой?
3. Что за орудие тащит лошадь?
4. Во сколько раз (примерно) новый трактор сильнее старого?
5. Что убирают эти машины и люди?